Д. Боханъ.

МИНСКІЯ ПРЕДАНІЯ

— и —

ЛЕГЕНДЫ.

МИНСКЪ.
Типо-лит. И. и В. Тасьманъ, Губернат. ул. Телефонъ № 111.

Дозволено цензурою. 4 Декабря 1900 г. Вильна.

Минчанамъ.

Они въ гробахъ, въ холодной тьмѣ могилы—
Герои прежней славы и войны.
Не вспомнитъ васъ потомокъ вашъ унылый,
Свидѣтели далекой старины!.

Другая жизнь—и времена другія—
Какъ смутный сонъ, столѣтія прошли,
И старины обломки вѣковые,
Забытые—валяются въ пыли.

Такъ пусть народъ—пусть самъ творецъ преданья—
Разбудитъ сонъ, въ руины жизнь вдохнетъ
И длинный свитокъ древняго сказанья
Заботливо предъ вами развернетъ!

Призракъ.

(Изъ прошлаго).

Городъ спитъ. Въ вышинѣ разстилается
Серебристая сѣть облаковъ.
Я пишу... А въ окошко врывается
Опьяняющій запахъ цвѣтовъ.

Тамъ, порою, звѣзда одинокая
Замигаетъ—и вдругъ упадетъ...
А въ саду—у пруда, надъ осокою—
Соловей свою пѣсню поетъ.

Только вдругъ—звуки гимна побѣднаго,
Шелестъ крыльевъ въ ночной тишинѣ...
И глаза привидѣнія блѣднаго
Обращаются тихо ко мнѣ...

«Это я: призракъ ночи таинственный,
«Добрый геній родной стороны!
«Охраняю я край нашъ воинственный
«Въ годы ужасовъ, крови, войны...

«Я летаю надъ Русью державною
«Съ той поры, какъ изъ сонма князей,
«Гордый духомъ, страной православною
«Началъ править Всеславъ-чародѣй.[1])

«Съ крестнымъ знаменьемъ, съ теплой молитвою
«Облетая родные полки,
«Я слѣдилъ за кровавою битвою
«У кровавой Нѣмиги-рѣки.[2])

«Утѣшалъ я испуганныхъ жителей
«Въ страшный день, на разбитыхъ стѣнахъ,

«Какъ ворвался съ толпой побѣдителей
«Въ самый городъ гроза-Мономахъ.[3])

«Князю Глѣбу[4]) молитвой единою
«Я помогъ, какъ Путята пришелъ—
«Пролетѣлъ я надъ вражьей дружиною
«И отъ города войско отвелъ.[5])

«Много въ памяти горя оставили
«Тѣ вѣка—городъ плачетъ, какъ встарь,
«Какъ тогда, когда княжествомъ правили
«Святополкъ, Ростиславъ, Володарь.[6])

«Часъ насталъ .. И надъ Русью державною
«Всталъ грозою чужой властелинъ—
«И Литвой, и страной православною
«Управлять началъ князь Гедиминъ [7])

«А затѣмъ—и слеза подъ рѣсницами
«Засверкала--злой ворогъ пришелъ...
«Налетѣли къ намъ хищными птицами
«Католичество, ксендзъ и костелъ.[8])

«Имъ сперва посылали проклятія
«И помѣщикъ, и бѣдный мужикъ;
«Но потомъ весь народъ безъ изъятія
«И къ ксендзу, и къ костелу привыкъ.

«Край родной, огнемъ ада окрашенный,
«Ополяченъ былъ польскимъ ксендзомъ—
«И кричитъ мужичокъ ошарашенный:
«Естемъ полякъ!» И въ грудь кулакомъ..

«И проклятьемъ, и адомъ испуганный,
«Притѣсняемый изъ году въ годъ,
«Позабылъ объ отчизнѣ поруганной
«Ополяченный русскій народъ.[9])

«Лишь въ правленье Царицы прославленной
«Прекратился страдальческій стонъ;

«Русскій край, нищетою придавленный,
«Русскимъ людямъ опять возвращенъ.[10])

«Впрочемъ—хватитъ ужъ... Ты вѣдь единственный,
«Что прослушать меня захотѣлъ...
«Спи—усталъ ты!...» И призракъ таинственный
Изъ окна въ темный садъ улетѣлъ.

Тихо все... Только вѣтви колышутся,
Только листья тревожно шумятъ...
Спятъ цвѣты, и, какъ прежде, мнѣ слышится
Опьяняющій ихъ ароматъ...

И, какъ прежде, звѣзда одинокая
Замигаетъ—и вдругъ упадетъ...
А въ саду—у пруда, надъ осокою—
Соловей свою пѣсню поетъ.

Омутъ.

Есть въ Свислочи омутъ глубокій—
Гдѣ гибкія ивы растутъ;
Объ омутѣ этомъ въ народѣ
Недобрые слухи идутъ.

Гуторятъ, что ночью туманной,
Лишь мѣсяцъ холодный взойдетъ—
Выходитъ изъ рѣчки русалка,
Выходитъ и пѣсню поетъ.

И пѣсня ночная далеко
Бѣжитъ по окрестнымъ полямъ—
И вѣтеръ ту пѣсню разноситъ
И вторитъ невольно ей самъ.

«То было -поетъ такъ русалка—
«Давно .. Я была молода...
«Ахъ, какъ я въ тѣ годы рѣзвилась,
«И какъ я любила тогда!...

«Онъ былъ такъ прекрасенъ и строенъ,
«И взоръ его страстенъ и жгучъ...
«Посмотритъ—что солнце засвѣтитъ
«Изъ хмурыхъ, разорванныхъ тучъ...

«И кудри—что черныя змѣйки—
«Послушно вились подъ рукой...
«Плѣнилось имъ дѣвичье сердце—
«Да онъ отдалъ сердце другой!...

«Въ глаза его мать моя часто
«Смотрѣла, любовью полна...
«Она же меня и сгубила,
«Меня утопила она...

«Разъ утромъ—гроза бушевала—
«Я вышла на берегъ рѣчной;
«Ревѣли сердитыя волны,
«Катились одна за другой...

«Вдругъ вижу—надъ омутомъ самымъ
«Сидитъ онъ—и мать моя съ нимъ...
«Она его кудри цѣлуетъ
«И чешетъ ихъ гребнемъ своимъ...

«Я вскрикнула... Мать оглянулась...
«—Куда?...» И, какъ злая змѣя,
«—Разлучница!...» Крикнула злобно
«И въ омутъ толкнула меня...

«И смѣхъ ея страшный съ грозою
«Пронесся надъ бурной рѣкой...
«Заплакали сѣрыя волны,
«Промчались одна за другой...
. . . .

«Потомъ, когда мѣсяцъ засвѣтитъ,
«Въ деревнѣ зажгутъ огоньки—
«Я часто ихъ видѣла вмѣстѣ
«Надъ омутомъ бурной рѣки...

«Они о любви говорили,
«Смѣялись они надо мной...
«Но плакали сѣрыя волны,
«Катились одна за другой ..

«И годы прошли... Они оба
«Въ землѣ ужъ нашли свой пріютъ...
«Но я—умереть не могу я:
«Мнѣ волны заснуть не даютъ!...

«Русалкой живу я донынѣ,
«Все больше и больше люблю—
«И ночью, лишь мѣсяцъ засвѣтитъ,
«Надъ омутомъ пѣсню пою!...»

И пѣсня русалки такъ грустно
Несется надъ сонной рѣкой...
И плачутъ холодныя волны
До самой зари золотой...

Глазъ Христовъ.

I.

Безъ всякаго сомнѣнія, каждый минскій обыватель знаетъ, что на самомъ краю его города, подъ Комаровкой, находится лучшее изъ здѣшнихъ христіанскихъ кладбищъ—католическое кладбище «Золотая Горка».

Передъ недавно выстроенными входными воротами красуется сооруженный въ 1861 году, вмѣсто старой, полуразвалившейся часовни, прекрасный въ готическомъ стилѣ костелъ.

Старая часовня, почти совершенно забытая обывателями послѣ постройки каменнаго костела, однимъ обстоятельствомъ до сихъ поръ обращаетъ на себя вниманіе—на южной сторонѣ ея, подъ самой крышей, находится небольшая, уже сильно попорченная непогодою и временемъ икона, изображающая глазъ Спасителя съ повисшею на рѣсницахъ слезой. Письмо замѣчательно искусно, и остается только удивляться, почему на эту икону до сихъ поръ не обращаютъ никакого вниманія мѣстные любители живописи.

Конечно, всѣ знаютъ и это прекрасное кладбище, и новый костелъ, и старую часовню, но едва ли кто знаетъ довольно интересное преданіе, связанное съ послѣдней и относящееся къ давно-прошедшему времени. Это преданіе разсказано мнѣ однимъ изъ мѣстныхъ старожиловъ, и я хочу теперь подѣлиться своими свѣдѣніями съ читателемъ, не ручаясь, конечно, за историческую вѣрность разсказываемаго.

Давнымъ-давно, когда въ здѣшнемъ краѣ господствовали еще поляки, совершенно подавляя русскую народность, жилъ въ городѣ, въ одномъ изъ своихъ роскошныхъ дворцовъ, польскій магнатъ графъ Z*. Будучи страшно богатъ, онъ окружилъ себя царской роскошью, держалъ у себя массу слугъ, псарей,

конюховъ, страстно любилъ охоту, пиры, женщинъ—и смѣялся надъ своею религіей, не признавая ничего выше чувственныхъ наслажденій. Со своими слугами онъ обращался очень жестоко, часто въ припадкѣ гнѣва за малѣйшій проступокъ чуть не до смерти пороль несчастныхъ людей, и, конечно, никто не смѣлъ ему перечить въ чемъ бы то ни было: всѣ окрестные паны, всѣ жители города боялись его, какъ огня, и одно имя графа Z* наводило на всѣхъ паническій ужасъ.

Однажды—это было холодной осенью, когда обезсиленная природа совершенно увядаетъ, чтобы только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ воскреснуть снова—проѣзжалъ графъ на одномъ изъ своихъ чудныхъ коней по берегу небольшой, но быстрой и глубокой въ то время, протекающей черезъ весь городъ рѣки Свислочи.

Ѣхалъ онъ и глубоко о чемъ-то задумался; вдругъ кто то схватилъ подъ-уздцы его коня и отвелъ его въ сторону. Взбѣшенный графъ поднялъ хлыстъ и посмотрѣлъ на смѣльчака—предъ нимъ спокойно стоялъ молодой русскій крестьянинъ съ палитрой и кистью въ рукахъ; въ двухъ шагахъ отъ него находился мольбертъ, на который задумавшійся графъ едва не наѣхалъ...

— Холопъ! отъ страшнаго бѣшенства могъ только прошептать графъ, и поднятый хлыстъ, свистнувъ въ воздухѣ, раскровянилъ лицо молодого крестьянина, который зашатался и чуть не упалъ... Еще одинъ ударъ—и быстрый конь въ нѣсколько мгновеній унесъ графа въ его роскошный дворецъ...

Графъ очень скоро позабылъ объ этой случайной встрѣчѣ, но не забылъ о ней молодой крестьянинъ, которому въ моментъ встрѣчи пришли на умъ всѣ извѣстныя ему злодѣйства графа, всѣ его жестокости, и онъ тутъ же далъ клятву страшно отомстить знатному обидчику за себя и за другихъ...

II.

Много прошло времени, а графъ все жилъ по прежнему все такъ же обращался со слугами, обижалъ стараго и малаго, никому въ то же время не прощая случайно нанесенной ему обиды.

Но совѣсть, никогда не умирающая въ душѣ человѣка, заговорила, наконецъ, и сталъ графъ временами чувствовать въ сердцѣ необычную тревогу... Хотѣлъ онъ разогнать попойками и веселыми пѣснями грызущую его тоску, но неугомонная совѣсть не давала ему покоя ни днемъ, ни ночью... То ему слышался шопотъ загубленныхъ имъ людей, то громкій смѣхъ заключенныхъ въ сырыхъ и темныхъ подвалахъ, и, казалось ему, наставала страшная минута расплаты за прошлое.

Теперь-то, въ этой сердечной тоскѣ, совершенно истомившійся графъ обратилъ свою грѣшную душу къ Богу. Началъ онъ усердно посѣщать костелы, дѣлалъ богатые вклады въ монастыри, много молился—однимъ словомъ, совершенно перемѣнилъ образъ своей жизни. Но повидимому не давали ему покоя ни горячая молитва, ни теплая вѣра—неподкупная совѣсть ежеминутно напоминала ему о его злодѣяніяхъ, и грѣшный графъ, какъ и прежде, мучился и страдалъ и днемъ, и ночью.

И вотъ, захотѣлъ онъ, наконецъ, построить костелъ во славу Бога и ради спасенія своей грѣшной души. Обладая огромнымъ богатствомъ, онъ безъ труда созвалъ большую толпу подрядчиковъ и рабочихъ, которые въ скоромъ времени выстроили прекрасный каменный костелъ. Красивый храмъ гордо поднимался къ небу, не принося душѣ больного графа никакого успокоенія. И захотѣлъ знатный грѣшникъ, терзаемый муками совѣсти, сдѣлать послѣднюю попытку избавиться отъ мучившаго его внутренняго голоса.

На кладбищѣ «Золотая Горка» стоялъ съ давняго времени небольшой деревянный костелъ. Въ немъ находились св. мощи, и онъ пользовался большимъ почетомъ у окрестныхъ жителей. И вотъ вздумалось графу украсить этотъ храмъ Бога. Въ скоромъ времени мысль эта была приведена въ исполненіе, и обновленный костелъ, ласкаемый лучами солнца, весело глядѣлъ на Божій міръ. Только одна южная сторона его была ничѣмъ не украшена, и, какъ казалось графу, икона была бы лучшимъ украшеніемъ. Къ несчастію, всѣ рабочіе и приглашенные при постройкѣ большого костела для писанія иконъ художники были уже распущены, и графу пришлось искать художника среди мѣстныхъ жителей.

Однажды, въ холодный осенній день, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ извѣстной встрѣчи графа съ молодымъ крестьяниномъ, приходитъ къ нему молодой самоучка-художникъ изъ крестьянъ и предлагаетъ свои услуги для писанія иконы; это былъ тотъ самый крестьянинъ, который такъ смѣло отвелъ въ сторону коня графа для спасенія своей картины, лежавшей на мольбертѣ; преданіе не сохранило его имени...

Этотъ крестьянинъ помнилъ нанесенные ему удары, помнилъ свою страшную клятву—и думалъ, что теперь именно насталъ часъ мщенія... Онъ получилъ заказъ...

Цѣлую недѣлю вдохновенная кисть самоучки-художника летала по полотну, и, наконецъ, чудная икона была готова... «Самъ Богъ отмститъ за меня», думалъ крестьянинъ, бросая смѣлые мазки на полотно...

Написанная имъ икона изображала всевидящее око Спасителя міра съ нависшею на рѣсницахъ слезой. Этотъ глазъ смотрѣлъ на всякаго съ такимъ страданіемъ, съ такой всепрощающей любовью, что на него впослѣдствіи никто не могъ равнодушно смотрѣть.

III.

Когда крестьянинъ принесъ графу написанную имъ икону—тотъ, только взглянувъ на нее, залился слезами, восторженно обнялъ молодого художника и далъ ему цѣлый мѣшочекъ золотыхъ червонцевъ. Тотъ сначала не хотѣлъ принимать денегъ, но все-таки, повинуясь просьбамъ графа, взялъ предложенную ему щедрую плату.

Выходя изъ роскошнаго замка графа, онъ держалъ въ рукѣ полученное золото, которое жгло ему руку. Дорога къ его жилищу проходила черезъ мостъ надъ Свислочью; взойдя на него, онъ развязалъ мѣшочекъ и бросилъ его въ волны рѣки... Звеня и сверкая, разсыпались золотые червонцы, и встрѣтившія ихъ волны, казалось, зашептали что-то, и въ этомъ шопотѣ почудилось ему слово «мщеніе».

Оно въ скоромъ времени совершилось.

Графъ остался въ такомъ восторгѣ отъ иконы молодого художника, что не захотѣлъ отсылать ее въ костелъ, а оставилъ у себя въ замкѣ, повѣсивъ надъ своею постелью.

Однажды ночью, когда на дворѣ была грозная буря, а градъ и дождь стучали въ зеркальныя окна роскошной опочивальни, проснулся графъ, мучимый какимъ-то страшнымъ сномъ. Только онъ открылъ глаза, какъ увидѣлъ освѣщенную фосфорическимъ свѣтомъ икону, и чудное око Христа съ мольбой и безмолвнымъ укоромъ глядѣло на него. Въ страхѣ закрылъ онъ свои глаза, но какая-то сила заставила его открыть ихъ снова, и ему показалось, что висѣвшая на рѣсницахъ слеза шевельнулась и тяжело упала на полъ. Въ паническомъ страхѣ графъ поднялся съ постели и отошелъ въ дальній уголъ комнаты, но чудная икона двинулась за нимъ, и горячія слезы все чаще и чаще капали изъ глазъ Христа, съ зловѣщимъ шумомъ упадая на полъ, и все съ тѣмъ же выраженіемъ любви и безконечнаго страданія смотрѣлъ этотъ глазъ на страшнаго грѣшника. Не владѣя собою, графъ бросился вонъ изъ комнаты—и, чудо! икона беззвучно двигалась въ воздухѣ за нимъ; онъ бѣжалъ безъ оглядки и всюду видѣлъ передъ собою горящій любовью и безконечной жалостью глазъ Спасителя, обращенный къ нему. Вокругъ него шумѣла буря, дождь и градъ хлестали ему въ лицо, по временамъ яркая молнія прорѣзала непроницаемую мглу осенней ночи, а графъ все бѣжалъ и бѣжалъ, и все видѣлъ передъ собою тотъ же глазъ Богочеловѣка съ выраженіемъ безконечной любви и состраданія. Онъ пробѣжалъ весь городъ, выбѣжалъ въ поле—и вотъ, наконецъ, зашумѣли передъ нимъ могучія волны бурной рѣки... Не видалъ ихъ графъ, и съ размаху съ крутого берега бросился въ рѣку... Радостно зарокотали темно-сѣрыя волны, покрывая свою жертву; радостно прошумѣлъ вѣтеръ; радостно зашелестѣли листья могучихъ кленовъ, растущихъ на берегу, и съ послѣднимъ вздохомъ грѣшника оживилась природа, прекратилась страшная буря, и свѣтлые лучи зари освѣтили землю...

Мщеніе совершилось...

Теперь всѣ въ городѣ и далеко въ окрестности могли свободно дышать, не боясь грознаго графа. Икона же послѣ этого оказалась прибитою къ стѣнѣ маленькаго деревяннаго костела, собственно говоря, часовни, теперь уже сильно покосившейся и постепенно разрушающейся, хотя и теперь около нея можно встрѣтить массу молящихся. Доски часовни подгнили, образо-

вались огромныя щели, все совершенно обветшало, но чудная живопись до сихъ поръ свѣжа и ярка, какъ въ первый день своего существованія.

Вотъ преданіе, разсказанное мнѣ однимъ старожиломъ. Что въ немъ правда, а что ложь, предоставляю судить читателямъ.

ВСЕСЛАВЪ-ЧАРОДѢЙ.

I.

Ярко свѣтитъ мѣсяцъ
С высоты небесъ—
Свѣтъ его струится
На поля и лѣсъ.
Дремлетъ боръ кудрявый,
Тишина кругомъ,
И въ тиши полночной
Все объято сномъ.
Теменъ княжій теремъ—
Сонъ его глубокъ;
Лишь въ одномъ оконцѣ
Свѣтитъ огонекъ.
Князь-вѣщунъ въ тревогѣ,
Полный смутныхъ думъ,
Ходитъ по свѣтлицѣ,
Мраченъ и угрюмъ.
Грозно сдвинулъ брови,
Страстью взоръ горитъ:
Дума роковая
Мозгъ его сверлитъ...
Кіевъ, шумный Кіевъ,
Слава и почетъ—
Всѣмъ прельщаетъ князя,
Всѣмъ къ себѣ влечетъ...
Свѣтлый князь Владиміръ,
Ярославъ—а тамъ?
Кто изъ славныхъ внуковъ
Будетъ князь князьямъ?
Чтожъ имъ долго думать,
Выбирать—кого?

Изяславъ [13])—наслѣдникъ,
Онъ же внукъ его!...
Вздрогнулъ князь и сбросилъ
Охобень [14]) съ плеча,
Крѣпко сжавъ рукою
Рукоять меча...
Глянулъ зоркимъ окомъ
И прозрѣлъ сквозь тьму:
Быть великимъ княземъ
Суждено ему!...

II.

Ярко свѣтитъ мѣсяцъ
Съ высоты небесъ —
Свѣтъ его струится
На поля и лѣсъ.
Теменъ княжій теремъ,
Сонъ его глубокъ...
Но въ окнѣ не свѣтитъ
Яркій огонекъ.
А на грудь въ тревогѣ
Головой склонясь,
Ходитъ по свѣтлицѣ,
Ходитъ мрачный князь.
Встрѣтитъ князя слава,
Власть и торжество...
Чтожъ больная дума
Все грызетъ его?
И все ноетъ рана,
И сильнѣе боль...
Взялъ вѣщунъ повязку,
Черную, какъ смоль;
Положилъ надъ нею
Заговоръ на зло —
И повязкой крѣпко
Обвязалъ чело...
Стукнулъ, кликнулъ вѣщій,
Заговоръ пропѣлъ—

И, какъ тѣнь, надъ міромъ
Съ тучей полетѣлъ...

III.

Ярко свѣтитъ мѣсяцъ
Съ высоты небесъ —
Свѣтъ его струится
На поля и лѣсъ.
Мчится, мчится вѣщій
Сквозь туманъ и тьму—
Кіевъ златоглавый
Видится ему.
Днѣпръ шумитъ и плещетъ,
Грозно въ берегъ бьетъ..
Это онъ, могучій,
Онъ его зоветъ!
И во тьмѣ онъ видитъ —
Близко надъ Днѣпромъ
Заблестѣли стѣны
Княжескихъ хоромъ.
Здѣсь почетъ и слава,
И тяжелый трудъ
Съ грозною дружиной
Чародѣя ждутъ!...
Стукнулъ, кликнулъ вѣщій,
Заговоръ пропѣлъ
И, какъ тѣнь, надъ міромъ
Съ тучей полетѣлъ.

IV.

Ярко свѣтитъ мѣсяцъ
Съ высоты небесъ —
Свѣтъ его струится
На поля и лѣсъ.
Разлетѣлся витязь,
Разъ взмахнулъ крыломъ,
Словно вихрь, помчался
Изъ своихъ хоромъ

И, какъ ястребъ хищный
Съ темныхъ облаковъ—
Бросился съ дружиной
Въ Новгородъ и Псковъ.
Смерть и разрушенье,
Слезы матерей—
Всюду, гдѣ промчался
Грозный чародѣй..
Дальше, Вѣщій, дальше!
Чародѣя ждетъ
Въ Кіевѣ далекомъ
Слава и почетъ.

V.

Ярко свѣтитъ мѣсяцъ
Съ высоты небесъ—
Свѣтъ его струится
На поля и лѣсъ.
На рѣкѣ Нѣмигѣ,
Рано предъ зарей,
Длится бой кровавый,
Длится страшный бой.
Словно вихрь могучій,
Темныхъ силъ страшнѣй,
Мчится надъ полками,
Вѣщій чародѣй...
Пробуждаетъ храбрость
Силой тайныхъ словъ,
Мощные удары
Сыплетъ на враговъ,
Головы съ размаха
Сбрасываетъ съ плечъ...
Да устали руки,
Изломался мечъ...
А враговъ—все больше,
Все сильнѣе рать...
Мигъ—и вся дружина
Бросилась бѣжать..

Сила одолѣла...
Конченъ страшный бой
На рѣкѣ Нѣмигѣ
Съ утренней зарей!...

VI.

Ярко свѣтитъ мѣсяцъ
Съ высоты небесъ—
Свѣтъ его струится
На поля и лѣсъ;
И все смотритъ мѣсяцъ
Черезъ два окна
Въ низкую темницу
Князя-вѣщуна.
Холодно и сыро,
Неуютно въ ней...
Тихо... Лишь порою
Слышенъ лязгъ цѣпей.
Мраченъ князь печальный...
Гдѣ мечты его?
Гдѣ его дружина,
Слава, торжество?
Все, какъ тѣнь мелькнуло,
Все умчалось прочь...
Солнышко упало—
Наступила ночь...
Мучитъ князя жажда,
Хочется вздохнуть...
Тщетно! Нѣтъ ужъ силы
Руку протянуть...
Умереть скорѣй-бы!
Опротивѣлъ свѣтъ...
Нѣтъ его повязки—
Чаръ всесильныхъ нѣтъ...
Мучитъ князя жажда,
Мучитъ злой недугъ...
Тихо, какъ въ могилѣ,
И темно вокругъ...

Но порою сила
Прежняя придетъ—
Вскочитъ князь безумный,
Грозно цѣпи рветъ...
Но заноетъ рана—
И померкнетъ свѣтъ;
Нѣтъ его повязки—
Чаръ всесильныхъ нѣтъ.
И опять безмолвно
Голову склоня,
Ждетъ забытый витязь
Золотого дня...
Вѣдь его—онъ знаетъ—
До сихъ поръ все ждетъ
Въ Кіевѣ престольномъ
Слава и почетъ!..
А холодный мѣсяцъ
Черезъ два окна
Все глядитъ въ темницу
Князя-вѣщуна,
И, какъ прежде, свѣтитъ
Съ высоты небесъ—
И тотъ свѣтъ струится
На поля и лѣсъ...[16])

ВОДЯНОЙ. [17]

1.

Ночь горитъ миріадами звѣздныхъ очей,
За рѣкою блестятъ огоньки,
А на зыби рѣчной тѣнь дрожитъ отъ вѣтвей,
Гдѣ такъ чудно поетъ соловей,
Гдѣ горятъ въ темнотѣ свѣтляки.

2.

Въ эту ночь, говорятъ, старый дѣдъ-Водяной,
Полный грусти, выходитъ изъ водъ,
И русалки за нимъ выплываютъ толпой
И до самой зари золотой
Свой веселый ведутъ хороводъ.

3.

Но не веселъ старикъ. Говорятъ мичуки —
Кто видалъ его этой порой,
Что онъ плачетъ всю ночь у родимой рѣки
И все руки ломаетъ свои,
И сѣдою трясетъ головой.

4.

И напрасно русалки ведутъ хороводъ,
Чтобы горе его разогнать,
И въ кустахъ соловей громко пѣсни поетъ —
Онъ посмотритъ вокругъ и вздохнетъ,
И слезами зальется опять...

5.

Это было давно. Много лѣтъ, много зимъ
Съ той поры, чередуясь, прошло...

Въ тѣ далекіе дни былъ и онъ молодымъ,
Но года пролетѣли надъ нимъ,
И былое быльемъ поросло.

6.

Какъ онъ рвался любить,—полный жизни и силъ,
Каждый день, каждый часъ горячѣй!
Все прошло, словно сонъ... Но старикъ не забылъ,
Какъ когда-то онъ крѣпко любилъ—
И въ женѣ обманулся своей...

7.

Какъ съ тревогой и болью онъ сталъ замѣчать,
Что она холоднѣй съ нимъ была;
Какъ ему довелось горе—правду узнать:
Что всѣ ночи она коротать
Стала съ парнемъ другого села.

8.

Помнитъ онъ: грозно вѣтеръ въ лѣсу завывалъ,
Страшно сосны скрипѣли вокругъ...
Онъ къ избушкѣ подкрался и въ дверь постучалъ...
«—Кто тамъ, кто?» Онъ во тьмѣ услыхалъ.
«—Это я—твой обманутый другъ!»

9.

«—Чтожъ боишься, дрожишь? Не того, знать, ждала?
«И не я ужъ тобою любимъ?
«Чтожъ молчишь?» Но она отвѣчать не могла...
«Ты, знать, съ нимъ ужъ далеко зашла,
«Цѣлый свѣтъ позабыла за нимъ!...»

10.

«—Нѣтъ, моя ты—и будешь моею всегда,
«Не уйдешь изъ объятій моихъ!...»
И схватилъ онъ ее... И видали тогда
Только лѣсъ да ночная звѣзда,
Какъ онъ въ заросляхъ скрылся густыхъ...

11.

Въ эту ночь золотистаго мѣсяца кругъ
Словно скрыла отъ глазъ пелена,
И во тьмѣ пронеслось: «—Ты моя—я твой другъ!...»
«—Ты моя!» Прокатилось вокругъ,
«—Ты моя!» Задрожала волна.

12.

Мигъ одинъ—у него потемнѣло въ глазахъ:
«—Ты моя—не отдамъ никому!...»
И съ добычей своею онъ скрылся въ волнахъ—
И на крикъ тотъ лишь вѣтеръ въ кустахъ
Да рѣка отвѣчала ему...

13.

Забурлила вокругъ, разыгралась волна,
Зашумѣли русалки толпой:
«Онъ красивъ и силенъ, а она такъ стройна...
«Пусть намъ будетъ Царицей она,
»Онъ же будетъ нашъ Царь-Водяной!...»

14.

И промчались года... Онъ сдружился съ рѣкой,
Къ царской власти давно онъ привыкъ—
Но, всегда окруженный веселой толпой,
Надъ Царицей—невѣрной женой—
Горько плачетъ несчастный старикъ...

15.

И тѣ стоны, тотъ плачъ водяного царя
Раздаются всю ночь у рѣки...
«—Коли плачетъ старикъ—такъ ужъ плачетъ не зря!»
Шепчутъ бабы, о немъ говоря,
И вздыхаютъ, крестясь, мужички...

16.

Всѣ жалѣютъ его: Чтоже, Богъ такъ судилъ,
«Что связался съ невѣрной женой!...»
Старики-жъ говорятъ, чтобъ никто не ходилъ
Тамъ, гдѣ счастье свое схоронилъ,
Тамъ, гдѣ плачетъ старикъ водяной.

ѲЕДЬКА КОМАРЪ. [18]

(Легенда о комаровскомъ болотѣ).

I.

Глубокая осень 1423 года. Дождь. Слякоть. Холодный туманъ виситъ надъ городомъ, съ черепичныхъ крышъ льются потоки грязной дождевой воды—и въ нѣсколькихъ шагахъ ничего не видно за сплошной завѣсою дождя и тумана. Страннымъ кажется городъ въ этихъ непроницаемыхъ клубахъ сѣраго тумана, съ этой мертвой тишиною на безлюдныхъ улицахъ; спящимъ чудовищемъ кажется замокъ съ его валами, частоколомъ и вырывающимися изъ туманной мглы воеводскимъ дворцомъ, митрополичьимъ домомъ и колокольнею Николаевскаго мужского монастыря.[19])

Огромный ровъ окружаетъ замокъ, и въ немъ чернѣется и глухо плещетъ въ одѣтые дерномъ берега грязная холодная вода. Подъемный мостъ опущенъ, ворота раскрыты; въ нихъ виденъ Николаевскій Соборъ, словно драконъ, смотрящій въ тьму вечернихъ сумерекъ нѣсколькими рядами освѣщенныхъ оконъ. Дрожащій, жалобный звукъ соборнаго колокола глухо разносится въ воздухѣ, словно ударяясь о волны тумана и прокатываясь надъ городомъ.

Но никто не шелъ ко всенощной въ такой непогодный день—только монахи, одинъ за другимъ выползая изъ келій, проходили по монастырскому двору и скрывались въ церкви... Всѣ уже были въ соборѣ—и братія, и о. игуменъ, сѣдой старикъ, съ глубокими, смотрящими въ душу глазами, и юродивый Ѳедька Комаръ, всегда находившійся на паперти, но загнанный непогодою внутрь.

Глухо раздается подъ высокими, темными сводами собора стройное пѣніе монаховъ, усердно молятся отрекшіеся отъ міра и бѣжавшіе людской суеты братья и послушники, низко скло-

няются ихъ головы и бьются о каменныя плиты пола... Только юродивый Ѳедька, прозванный монахами «Комаромъ», не молится въ своемъ углу, а безсмысленно всматривается въ таинственный сумракъ высоко высоко надъ его головою, подъ самымъ куполомъ собора.

Долго длилась служба. Но вотъ о. игуменъ—поклонившись въ послѣдній разъ въ землю, осѣнилъ себя крестомъ и медленно, тяжелой старческой походкою, вышелъ изъ церкви; монахи двинулись за нимъ. Послѣднимъ шелъ о. Антоній, высокій тщедушный монахъ, давно ушедшій отъ соблазновъ міра въ гостепріимную ограду Николаевскаго монастыря.

Оглянувшись въ послѣдній разъ на царскія врата, о. Антоній поднялъ руку, чтобы перекреститься—и замеръ неподвижно... Какой-то странный звукъ пронесся въ воздухѣ, непріятный, могильный запахъ заглушилъ благовоніе ладана, протяжный стонъ раздался подъ землею—и одна изъ каменныхъ плитъ пола медленно приподнялась... Блѣдная тѣнь заколыхалась въ воздухѣ, это былъ старикъ съ большой сѣдой бородою, закутанный въ саванъ... Одна рука его тряслась и дрожащимъ пальцемъ указывала внизъ, на яму, откуда онъ поднялся, а другая—о. Антоній ясно видѣлъ это—разсыпала золотыя монеты, которыя, словно желтыя змѣйки, бѣгали по полу и скатывались подъ приподнятую плиту; глаза старика, съ выраженіемъ мольбы и отчаянія, были обращены на монаха...

О. Антоній не могъ пошевелиться... Мысли его путались, въ глазахъ стоялъ туманъ; онъ хотѣлъ перекреститься—и не могъ; хотѣлъ уйти—но не могъ двинуться... Онъ не слышалъ, какъ Ѳедька Комаръ выскочилъ въ припрыжку изъ собора, какъ о. Никодимъ, не видѣвшій его, заперъ массивную дубовую дверь... Старикъ, блѣдный, худой, стоялъ передъ его глазами, и въ ушахъ его раздавался звонъ катящихся золотыхъ монетъ...

Долго длилось это видѣніе, наконецъ, старикъ медленно склонилъ свою сѣдую голову—и опустился внизъ... Плита съ шумомъ захлопнулась за нимъ...

Только теперь опомнился о. Антоній и, со страхомъ осматриваясь по сторонамъ и шепча молитву, попятился къ двери: увы! она оказалась запертой... Ему предстояло провести ночь въ соборѣ, на холодныхъ каменныхъ плитахъ...

II.

Вся братія была очень взволнована таинственнымъ исчезновеніемъ стараго монаха - и въ монастырѣ долго длились тревожные поиски о. Антонія, но никому не пришло въ голову заглянуть въ церковь. Никто не предполагалъ также, чтобы такой святой человѣкъ, какъ о. Антоній, могъ самовольно бѣжать изъ обители—и его исчезновеніе казалось необъяснимымъ.

... Когда на слѣдующее утро вся братія съ о. игуменомъ пришли въ соборъ къ ранней обѣднѣ - они нашли тамъ блѣднаго, дрожащаго отъ холода старика; онъ стоялъ на колѣняхъ и молился. Рѣшили, что вчера о. Антоній такъ увлекся своей молитвою, что не замѣтилъ, какъ кончилась служба и какъ всѣ вышли изъ собора...

О. Антоній никому не сказалъ о своемъ видѣніи. Сидя въ своей кельѣ, онъ тревожно раздумывалъ, что могло бы оно значить—но не пришелъ ни къ какому заключенію.—Жутко становилось ему, когда онъ вспоминалъ горящій мольбою, словно просящій, пощады взглядъ старика... «Боже, отжени отъ меня духа злаго...» шептали его уста, и онъ невольно осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ—но молитва не шла на умъ, глаза застилались туманомъ, и изъ этого тумана вырисовывался блѣдный образъ старика...

Затѣмъ въ тишинѣ кельи слышался ему звонъ катящихся монетъ, и онъ вспоминалъ плиту, на которую указывалъ дрожащій палецъ старика... Что все это значитъ?..

Какъ много золота! Гдѣ оно тамъ подъ землею? Кому оно нужно?—проносилось въ мысляхъ о. Антонія, и въ его потухшихъ старческихъ глазахъ загорался огонекъ. Онъ давно отрекся отъ міра, отъ всѣхъ земныхъ благъ—его келья была самая простая во всемъ монастырѣ, одного только не могъ онъ забыть, что связывало его съ грѣховнымъ міромъ—это страсти къ деньгамъ; онъ любилъ золото ради его самого, копилъ его безъ всякаго желанія совершить съ его помощью доброе дѣло и дрожалъ при мысли, что послѣ его смерти накопленныя имъ деньги достанутся монастырю...

Тревожно вздрагивая и оглядываясь, о. Антоній взялъ восковую свѣчу, стоявшую на столикѣ, и тихо направился въ

уголъ кельи: тамъ, подъ деревянной нарою, въ небольшомъ углубленіи, сдѣланномъ въ каменной стѣнѣ, лежало нѣсколько мѣшечковъ; онъ взялъ одинъ изъ нихъ и развязалъ его — при слабомъ мерцаніи восковой свѣчи передъ нимъ засверкали золотыя монеты, такія чистыя, блестящія...

О. Антоній съ любовью скряги жадно всматривался въ золото и былъ счастливъ; онъ чувствовалъ себя сильнымъ и властнымъ человѣкомъ...

Вдругъ въ дверь его кельи сильно застучали. Старикъ быстро выпрямился и затушилъ свѣчу — но руки его дрогнули, и нѣсколько монетъ, выскользнувъ изъ пальцевъ, шумно упали на полъ и покатились къ дверямъ кельи...

— Се женихъ грядетъ, а врагъ человѣческій не спитъ... ха-ха-ха!... Золото, золото... Оно скачетъ, оно скачетъ, оно катится!... Се жилище діавола!... Сатана изыди!... Ха-ха-ха!... Раздался за дверью изступленный хохотъ.

— Боже милостивый! Прошептали дрожащія губы о. Антонія... Ѳедька Комаръ, юродивый... Слава Богу, что онъ, а не другой кто.

И онъ зажегъ свѣчу и принялся искать упавшія на полъ монеты.

— Дьяволъ, изыди во тьмѣ вечерней, остави родъ человѣческій! Слышался голосъ удалявшагося Ѳедьки и его безсмысленный хохотъ... Еще минута — и дверь коридора захлопнулась за нимъ.

Въ монастырѣ всѣ давно спали. Все было тихо.

III.

Всѣ замѣтили, что о. Антоній за послѣднее время сильно осунулся и похудѣлъ. О. игуменъ нѣсколько разъ мягко выговаривалъ ему, чтобы онъ не слишкомъ изнурялъ себя постомъ и молитвою, что ему, старику, можно и не такъ строго относиться къ себѣ. Старый монахъ ни слова не отвѣтилъ на это увѣщаніе.

Онъ цѣлые дни просиживалъ въ соборѣ, и братія думала, что онъ молится; но онъ не могъ молиться — его глаза были устремлены въ одно мѣсто на плиту, которая подиялась тогда, въ ту ночь, и подъ которой скрывалась какая-то тайна; его

уста не могли шептать молитву—онъ думалъ совсѣмъ о другомъ...

— Кому нужно это золото? Для кого оно лежитъ въ землѣ? проносилось въ головѣ о. Антонія, и мысль, роковая, назойливая мысль, словно буравъ, сверлила его мозгъ,—если подъ этой плитой дѣйствительно находится золото, отчего не попытаться овладѣть имъ?

Но онъ старался отогнать отъ себя грѣховные помыслы, старался не думать о золотѣ—и не могъ оторвать глазъ отъ заповѣдной плиты...

Роковое рѣшеніе медленно зрѣло въ его головѣ.

Ровно черезъ недѣлю странное видѣніе повторилось; также, какъ и тогда, пѣли монахи на клиросѣ, такъ же дребезжалъ соборный колоколъ въ вечерней мглѣ, и его жалобные призывные стоны разносились въ холодномъ и сыромъ воздухѣ... Братія молилась; о. Антоній тоже пытался шептать молитвы—но не могъ, и его глаза не отрывались отъ плиты... И вдругъ она медленно, какъ тогда, приподнялась, и блѣдная тѣнь того же старика качнулась въ воздухѣ... Такъ же, какъ и въ тотъ разъ, одна рука указывала внизъ, а другая разсыпала золотыя монеты, которыя катились по полу у самыхъ ногъ ничего не видѣвшихъ монаховъ и, казалось, съ жалобнымъ стономъ скатывались подъ плиту... Только глаза старика смотрѣли строже и пристальнѣе... На этотъ разъ видѣніе длилось недолго—блѣдная тѣнь старика заколыхалась и исчезла подъ плитой...

Дрожащій отъ страха и суевѣрнаго ужаса, о. Антоній оглядѣлъ монаховъ—они ничего не замѣчали и, поддерживаемые примѣромъ о. игумена, усердно молились и клали земные поклоны; и, какъ прежде, гудѣлъ въ вышинѣ соборный колоколъ, а подъ сводами храма дрожащими волнами разносилось пѣніе монашескаго клира...

Значитъ, видѣніе было только для него! Что оно означало? О. Антоній терялся въ догадкахъ—но ничего не могъ придумать.

Правда, онъ слышалъ, что на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ Николаевскій соборъ, давно-давно находилось кладбище, гдѣ былъ похороненъ со всѣми своими сокровищами гроза цѣлаго края, лихой разбойникъ ~~Сенька Соколъ~~, одинъ изъ дружинни-

~~Сенька Золотая Ручка~~
Манька Облигация.

ковъ князя Глѣба Всеславовича или его отца, вѣщаго Всеслава... Быть можетъ, это его тѣнь являлась ему, умоляя освободить его отъ тяжести награбленнаго при жизни золота... А если это невѣрно?

И о. Антоній ночи напролетъ не спалъ, стараясь разрѣшить мучительную загадку.

Прошла еще недѣля, и роковое видѣніе снова явилось о. Антонію. На этотъ разъ старикъ съ угрозою въ глазахъ смотрѣлъ на него и указывалъ внизъ рукою... А золото, золото еще больше прежняго разсыпалось по полу и съ шумомъ катилось подъ плиту...

Но о. Антоній все еще колебался. Хорошо завладѣть богатствами Сеньки Сокола и освободить его душу отъ непрестаннаго напоминанія о грѣховной жизни — и роковая тайна объяснится сама собою... А сколько тамъ золота!... И оно все будетъ принадлежать ему!

И о. Антоній рѣшился.

IV.

Глухо воетъ вѣтеръ въ монастырской оградѣ, жалобно поетъ свою унылую пѣсню, врываясь во всѣ углы, во всѣ закоулки монастырскаго двора и со скрипомъ качая оголенныя вѣтви могучихъ кленовъ, растущихъ около собора; иногда налетитъ сильнымъ порывомъ и покачнетъ колоколъ, и жалобный, стонущій звукъ его соединится съ воемъ вѣтра...

Въ корридорѣ у монастырскихъ келій мертвая тишина. Въ одномъ концѣ его горитъ лампадка передъ образомъ Спасителя, и ея блѣдное сіяніе прямыми, острыми лучами врѣзывается въ тьму... Все тихо...

Вдругъ въ концѣ корридора появляется темная фигура и неслышно движется мимо келій—это о. Антоній всталъ послѣ полуночи, чтобы исполнить задуманное.

Онъ остановился у кельи о. Никодима. Въ сумракѣ онъ ощупью отыскалъ ручку и медленно открылъ дверь: монахи изнутри не запирались. О. Никодимъ спалъ на голыхъ доскахъ, завернувшись въ старое дырявое одѣяло; ~~маленькая~~ зеленая лампочка мерцала въ углу, слабо освѣщая убогую келью подвижника. Надъ самой головою его висѣлъ на стѣнѣ большой ключъ отъ

дверей собора - о. Никодимъ, по порученію о. игумена, исполнялъ обязанности ключаря.

Тихо ступивъ два шага, о. Антоній осторожно протянулъ руку къ ключу и снялъ его; хозяинъ кельи не шевелился. Осторожно ступая, словно воръ, старикъ тихо вышелъ изъ кельи и заперъ за собою дверь. Ничто не нарушало ночной тишины...

Когда о. Антоній вышелъ на дворъ—холодный рѣзкій вѣтеръ пахнулъ ему въ лицо и заставилъ его плотнѣе запахнуть полы монашеской рясы. Тихо, какъ воръ, вошелъ онъ въ церковь и, тщательно запершись изнутри, досталъ изъ кармана свѣчку, зажегъ ее и, накапавъ воску на плиту, прилѣпилъ ее къ полу, затѣмъ досталъ припасенные ранѣе ломъ и лопату и, найдя нужную ему плиту, немедленно принялся за работу.

Долго тяжелая каменная плита не поддавалась его усиліямъ; наконецъ, ему удалось слегка приподнять ее и, при помощи лома, опрокинуть на полъ. Сильный и рѣзкій стукъ отъ ея паденія пронесся подъ сводами пустого собора и замеръ въ вышинѣ подъ куполомъ. О. Антоній вздрогнулъ и прислушался — все было тихо, только вѣтеръ за стѣнами пѣлъ свою унылую пѣсню и, словно птица въ клѣткѣ, бился крыльями въ длинныя рѣшетчатыя окна...

Взявъ лопату, о. Антоній началъ копать, тщательно ссыпая землю въ одно мѣсто; онъ долго работалъ и вырылъ уже довольно глубокую яму—но ничего не нашелъ; уставшій старикъ думалъ уже бросить напрасные поиски, какъ вдругъ его лопата наткнулась на что-то твердое... Радостно заблистали глаза жаднаго монаха, и онъ еще усерднѣе заработалъ лопатой; это оказалась крышка гроба - крѣпкаго, массивнаго; въ это же время взглядъ о. Антонія упалъ на другой предметъ—у самой стѣнки гроба находился почернѣвшій отъ сырости небольшой деревянный ящикъ... Онъ безъ труда открылъ его—и вскрикнулъ отъ восторга: тамъ было золото...

Тѣсными симметрическими рядами лежали золотыя монеты, лаская взоръ старика и такъ мягко и чудно сверкая при слабомъ свѣтѣ восковой свѣчи...

О. Антоній съ трудомъ вынулъ ящикъ и началъ поспѣшно зарывать яму... Нужно было спѣшить: свѣча догорала...

Вдругъ дикій, неестественный хохотъ огласилъ своды собора... О. Антоній, кончившій работу и уже державшій въ рукахъ ящикъ, уронилъ его—и золотыя монеты, какъ тогда, въ кельѣ, со звономъ разсыпались по полу...

V.

—Ха, ха, ха!... Врагъ человѣческій о полунощи... Золото, золото катится по дорожкѣ... Царь Давидъ скитался въ пустынѣ...

Раздались надъ самымъ ухомъ о. Антонія дикій хохотъ и безсмысленныя слова.

Онъ оглянулся—передъ нимъ стоялъ Ѳедька Комаръ. Худой и тощій, съ блѣднымъ, изможденнымъ лицомъ, одѣтый въ жалкія рубища, онъ казался выходцемъ изъ могилы...

— Ѳедя, Ѳедя! Заговорилъ дрожащимъ голосомъ о. Антоній, стараясь прикрыть полою рясы опрокинутый ящикъ съ золотомъ. Зачѣмъ ты здѣсь?

— Свѣтлое солнышко смотрѣло на западъ... Ѳедька знаетъ... Ѳедька видитъ... Гдѣ? Что? Золото, золото... Изыди, сатана!...

И юродивый началъ кривляться и скакать вокругъ оторопѣвшаго монаха...

— Ѳедя, ты видѣлъ- я молился здѣсь. Съ вечера я нахожусь въ церкви... Откуда ты взялся—я тебя не видалъ?...

— Врагъ человѣческій, изыди отъ насъ! Ѳедька знаетъ, Ѳедька скажетъ, свѣтлому солнышку скажетъ, игумену скажетъ... Ха, ха, ха! Это золото катится, катится...

— Юродивый знаетъ все... Съ быстротой молніи пронеслось въ мысляхъ о. Антонія... Онъ можетъ выдать... Надо сговориться съ нимъ.

— Да, ты знаешь, Ѳедя, ласково заговорилъ монахъ. Здѣсь золото. Если ты поможешь мнѣ спрятать его и будешь молчать объ этомъ—я дамъ тебѣ половину. Хочешь?

Безсмысленные глаза Ѳедьки посмотрѣли какъ будто разумнѣе, самъ онъ пересталъ кривляться и скакать вокругъ монаха... Онъ остановился передъ нимъ.

— Что? Золото? Много?

-— Много, много... Монахъ всталъ и ласково положилъ

руку на плечо Ѳедьки.

— Я дамъ тебѣ половину—только молчи обо всемъ...

— Каинъ убилъ брата... Молчать... А душу свою убилъ или нѣтъ?... Золото, золото... Ха, ха, ха!... Дико засмѣялся Ѳедька.

О. Антоній вздрогнулъ—воспоминаніе о братѣ—убійцѣ тяжело было въ эту минуту: онъ также убилъ, тяжкимъ грѣхомъ убилъ свою душу.

— Чтожъ, согласенъ? Будешь молчать? Ласково, хотя съ дрожью въ голосѣ, продолжалъ о. Антоній.

— Ѳедька знаетъ... Ѳедька молчитъ... Изыди сатана!... Каинъ... Ха, ха, ха!...

— Значитъ, идетъ? Спросилъ монахъ, весь дрожащій отъ суевѣрнаго ужаса подъ дикимъ, блуждающимъ взоромъ юродиваго.

Ѳедька кивнулъ головой.

О. Антоній, успокоенный, собралъ разсыпавшіяся монеты, подмелъ полъ и, всунувъ въ руки Ѳедькѣ ломъ и лопату, вышелъ изъ собора съ драгоцѣнною ношею въ рукахъ.

Оставивъ Ѳедьку ждать во дворѣ, монахъ, съ прежними осторожностями, вошелъ въ келью о. Никодима и повѣсилъ ключъ на прежнее мѣсто.

Тихо, осторожно ступая, о. Антоній вышелъ къ Ѳедькѣ, съ нетерпѣніемъ ожидавшему его возвращенія.

— Что-же, однако, дѣлать съ золотомъ и какъ поступить съ этимъ юродивымъ? Думалъ о. Антоній, идя рядомъ съ нимъ по монастырскому двору.

— Вотъ что, Ѳедя—намъ нужно выйти изъ ограды монастыря, и мы закопаемъ свое золото гдѣ нибудь въ лѣсу.

Ѳедька молчалъ.

— Ты слышишь? Понялъ меня?

— Много золота... Въ лѣсу, въ лѣсу... Пробормоталъ Ѳедька.

— Ну, такъ идемъ.

Они вышли изъ монастыря и, переплывъ въ небольшой лодкѣ широкій ровъ, наполненный грязной водою изъ протекающей по близости Нѣмиги и окружающій монастырь со всѣхъ сторонъ, спустились въ одну изъ самыхъ грязныхъ и тѣсныхъ улицъ нижняго города.

VI.

Вокругъ было темно и сыро. Подъ ногами булькала вода, стоявшая цѣлыми озерами посреди улицы, а съ крышъ то и дѣло капало прямо на головы прохожимъ. Все было грязно, неуютно...

Өедька съ ломомъ и лопатой молча шелъ за о. Антоніемъ, ловко проходившимъ черезъ грязь по болѣе сухимъ мѣстамъ, и несовсѣмъ безсмысленными глазами вглядывался въ его тщедушную фигурку.

Они прошли уже длинную узкую улицу и подошли къ самой рѣкѣ Свислочи. Здѣсь о. Антоній оглянулся. Сзади, съ высокой горы, смотрѣлъ на него замокъ съ высокимъ частоколомъ и виднѣющимися за нимъ на фонѣ мутно-сѣраго неба колокольнею собора и митрополичьимъ домомъ... Что-то кольнуло его въ самое сердце, онъ вспомнилъ, что совершилъ страшный грѣхъ, который вѣкъ придется ему замаливать—но пути назадъ не было, приходилось кончать начатое.

Въ этомъ мѣстѣ, по направленію большой дороги, черезъ Свислочь, были проложены мостки для пѣшеходовъ—и о. Антоній со своимъ молчаливымъ спутникомъ перешелъ по нимъ и поднялся на гору противоположнаго берега.

Городъ, съ его грязью и вонью, остался позади, а передъ ними, далеко на горизонтѣ, узкой полосою синѣлъ лѣсъ; это былъ чудный, почти дѣвственный, непроходимый лѣсъ; передъ нимъ же разстилались вспаханныя и засѣянныя поля, кое гдѣ отгороженныя отъ дороги жидкими плетнями.

На востокѣ чуть-чуть стало свѣтать, отъ рѣки, находившейся уже далеко за о. Антоніемъ, повѣяло предутренней свѣжестью, заставившей бѣднаго монаха еще болѣе сжаться въ своей холодной рясѣ.

Тяжелый ящикъ съ награбленнымъ золотомъ Сеньки Сокола оттягивалъ ему руки... Старику трудно было идти. Юродивый совершенно спокойно шелъ позади его и не говорилъ ни слова.

Наконецъ, подошли къ лѣсу. Какъ сказочное чудовище, съ огромными мохнатыми руками, протянутыми навстрѣчу прохожимъ, онъ смотрѣлъ на нихъ и, казалось, что-то шепталъ

говорилъ имъ о чемъ-то; это легкій вѣтерокъ, пробѣгая по его вѣтвямъ, повѣрялъ лѣсу свои завѣтныя думы...

О. Антоній свернулъ съ большой дороги въ сторону и пошелъ по узкой, чуть замѣтной тропинкѣ. Пробираться сквозь чащу было трудно; вездѣ были густыя заросли акаціи и орѣха, огромные кусты папоротника то и дѣло хлестали его по лицу своими широкими, желтыми уже листьями...

Наконецъ, подойдя къ высокой березѣ съ большими оголенными осенью сучьями, растопыренными во всѣ стороны, о. Антоній остановился и опустилъ на землю свою тяжелую ношу.

— Здѣсь.

— Золото?

— Да, золото, золото... Можно и копать яму. Вотъ тутъ...

О. Антоній провелъ ногой по землѣ.

Ѳедька выразительно, насколько то было возможно, посмотрѣлъ на него и улыбнулся.

— Половина?... Золото скачетъ, скачетъ...

— Да, да, половина... Копай скорѣе - а я отдохну. Слишкомъ усталъ.

И о. Антоній тяжело опустился на принесенный съ собою ящикъ.

VII.

Ѳедька принялся копать. По временамъ онъ пристально взглядывалъ на сидѣвшаго передъ нимъ о. Антонія, и по его губамъ пробѣгала чуть замѣтная улыбка. Что она выражала? Какія мысли шевелились въ попорченномъ мозгу юродиваго?

О. Антоній не думалъ объ этомъ. Онъ былъ занятъ другими мыслями; его занималъ вопросъ, какъ попалъ въ церковь Ѳедька въ то самое время, когда онъ разсматривалъ золото? Вѣдь онъ дверь заперъ на ключъ.

— Ѳедя! Обратился онъ къ юродивому. Скажи, какъ ты оказался въ церкви, когда дверь была заперта?

— Ѳедька не спитъ, Ѳедька молится въ углу, видитъ золото и много золота... Отвѣтилъ спрошенный, не поднимая головы и не переставая работать...

Наконецъ, яма была готова. Она была около двухъ аршинъ глубины—дальше рыть не стоило. Ѳедька остановился и

грязнымъ рукавомъ своего дыряваго рубища отеръ выступившій на лбу потъ...

О. Антоній взялъ лопату и, опустивъ ящикъ на дно ямы, началъ ее засыпать.

— А моя? Вдругъ вскрикнулъ Ѳедька, сжимая кулаки... Золото... Золото... Ѳедька молчать не будетъ ..

— Ну, и твое тутъ тоже... Отвѣтилъ о. Антоній и хотѣлъ продолжать работу.

— Половина моя? Каинъ убилъ брата... Золото катится... Катится... Ѳедька не будетъ молчать!... Дико закричалъ юродивый—и многократное эхо отвѣтило ему—и съ этимъ крикомъ прыгнулъ въ яму, гдѣ стоялъ драгоцѣнный ящикъ.

Но онъ опоздалъ...

О. Антоній опередилъ его и, всунувъ обѣ руки въ ящикъ съ золотыми монетами, хрипло проговорилъ:

— Или уходи, или я убью тебя!...

Жажда золота овладѣла имъ; одна мысль о томъ, что половина находящагося въ его рукахъ богатства можетъ достаться другому, приводила его въ изступленіе...

Сначала оторопѣвшій Ѳедька ничего не отвѣтилъ, но потомъ съ дико сверкающими глазами, какъ разъяренный звѣрь, бросился на монаха...

— Золото мое!... Золото!... Половину отдай! Ѳедька скажетъ... Скажетъ...

Но о. Антоній ничего не слышалъ... Онъ рѣшился защищать золото, какъ волчица своихъ дѣтенышей—и, вынувъ изъ ящика одну руку, нанесъ Ѳедькѣ сильный ударъ въ грудь.

Между ними завязалась борьба не на жизнь, а на смерть. Монахъ защищался отъ нападавшаго противника одной рукою, а тотъ съ дико блуждающимъ взоромъ наносилъ ему одинъ ударъ за другимъ...

Только что это? Хочетъ о. Антоній вытащить изъ ящика другую руку—и не можетъ: что-то сжимаетъ ее, крѣпко-крѣпко—это золото впивается въ руку и тянетъ ее внизъ; въ тоже время земля подъ ногами монаха стала какъ будто мягче, и ноги увязаютъ глубже и глубже...

Въ страшномъ ужасѣ хочетъ монахъ выпрямиться—и не можетъ: онъ уже наполовину погрязъ въ мягкой землѣ, и топ-

кая трясина засасываетъ его сильнѣе и сильнѣе... И не Ѳедька Комаръ стоитъ передъ нимъ и бьетъ его—а тотъ самый старикъ, котораго онъ видѣлъ въ соборѣ, съ сожалѣніемъ смотритъ на него, одной рукой указываетъ внизъ, на болото, въ которое онъ опускается глубже и глубже, а другою далеко разбрасываетъ золотыя монеты, которыя, словно желтыя змѣйки, катятся по землѣ и падаютъ въ яму на его голову...

И не лѣсъ вокругъ стоитъ и шумитъ своими оголенными вѣтвями—онъ раздвинулся во всѣ стороны и только виднѣется вдали узкой черной полосою...

И не вѣтеръ то пронесся надъ землею, не его стонъ прокатился въ воздухѣ и, повторенный эхомъ, замеръ въ лѣсу—это предсмертный крикъ монаха слился съ воемъ бури и, словно настигнутый волною, внезапно смолкъ...

А вокругъ далеко-далеко раскинулась необъятная болотная трясина —и ни кустика, ни деревца кругомъ; одна гладкая болотная поверхность, покрытая кое-гдѣ сѣрымъ мохомъ—и душныя, вредныя испаренія отдѣляются отъ нея и стоятъ въ воздухѣ...

Такъ образовалось Комаровское болото...

Лѣсная фея.

(Изъ легендъ Полѣсья)

Она въ лѣсу гуляла,
Она рвала цвѣты —
Предъ ней склонялись тихо
Деревья и кусты.

Какъ гурія, прекрасна,
Какъ майскій день, свѣтла —
Она вѣнокъ душистый
Изъ ландышей плела.

Она смѣялась звонко,
Кипя избыткомъ силъ —
И лѣсъ въ отвѣтъ смѣялся
И въ глушь свою манилъ...

Она не отвѣчала,
Потомъ смѣялась вновь,
И вновь въ глазахъ свѣтились
И счастье, и любовь...

Я разъ ее замѣтилъ
Въ тѣни густыхъ вѣтвей —
Зажглось больное сердце,
Зажглось любовью къ ней...

«— Скажи, кто ты такая?»
Но, тайну сохраня,
Она въ вѣтвяхъ тѣнистыхъ
Укрылась отъ меня...

Ее искалъ я долго—
Но нѣтъ ея здѣсь, нѣтъ...
«—О лѣсъ, хоть ты скажи мнѣ,
«Хоть ты мнѣ дай отвѣтъ!...»

И лѣсъ мнѣ тихо шепчетъ:
«—То фея грезъ была...
«Она въ глуши тѣнистой,
«Какъ ландышъ, расцвѣла...

«Она встаетъ съ зарею,
«Умоется росой—
«И пляшетъ, и играетъ
«До ночи золотой.

«А ночью—слышатъ звѣзды,
«Склоняя взоры къ ней—
«Поетъ она, какъ птичка,
«Поетъ въ тѣни вѣтвей.

«Забудь о ней скорѣе,
«Оставь мечту свою—
«Она меня ужъ любитъ,
«И я ее люблю!...

«Другихъ ты послѣ встрѣтишь,
«Полюбишь не шутя...
«Она-жъ—моя царица,
«Она—мое дитя!...»

МЕСТЬ ШИНКАРЯ.

I.

Далеко на Комаровкѣ,
Гдѣ изъ года въ годъ
Ицка Сроль, трактирщикъ ловкій,
Обиралъ народъ;
За корчмой[20]), людьми забытой,
Гдѣ уже давно
Окна досками забиты,
Пусто и темно—
Чуть виднѣется могила
Въ зелени густой,
И надъ ней, склонясь уныло,
Плачетъ дубъ сѣдой.
И въ народѣ ходятъ слухи,
Что «нечисто» тамъ:
Что тамъ черти, вѣдьмы, духи
Пляшутъ по ночамъ.
Это правда... Только всходитъ
Мѣсяцъ надъ землей—
У могилы кто-то бродитъ
По травѣ густой.
Но не духи на свободѣ
Изъ земли встаютъ,
И не вѣдьмы въ хороводѣ
Пляшутъ и поютъ;
То не лѣшій въ чащѣ скачетъ,
Листьями шурша—
Это ходитъ, это плачетъ
Грѣшная душа.
Душу эту погубили
Чары злыхъ людей,

И ни въ рощѣ, ни въ могилѣ
Нѣтъ покоя ей...
Въ часъ ночной, подъ шумъ метели
Дикій вѣтра вой,
Какъ бы сосны ни шумѣли,
Плача надъ землей;
Въ ночь весны благоуханной,
Съ шумомъ вешнихъ водъ—
Трупъ холодный, бездыханный
Изъ земли встаетъ;
И, какъ тѣнь, идетъ тревожно
Въ саванѣ своемъ—
И крадется осторожно,
И глядитъ кругомъ;
И водя вокругъ глазами,
Чуть вглядится въ тьму—
И обниметъ дубъ руками,
И прильнетъ къ нему...
И какъ въ сильные морозы,
Морщится кора:
Плачетъ дубъ, роняя слезы,
Плачетъ до утра...

II.

Годъ за годомъ, безъ названья,
Шли чредой своей—
Но правдивое сказанье
Ходитъ межъ людей.
Если стонетъ дубъ косматый,
Листья вѣтеръ рветъ:
«Отомстилъ шинкарь проклятый!»
Говоритъ народъ.
Близь корчмы—давно то было—
Вѣкъ борясь съ нуждой,
Жилъ столяръ Семенъ Ярило
Съ дочкой молодой.
Тихо прожилъ онъ съ семьею,
Но пришла пора—

И прославилась красою
Дочка столяра.
А ужъ какъ, ужъ какъ любили
Старики ее,
Берегли да сторожили
Дитятко свое!
Весь свой вѣкъ въ теплѣ да въ холѣ
Аннушка росла —
И въ тиши, какъ цвѣтикъ въ полѣ,
Пышно расцвѣла.
Точно, въ цѣломъ околоткѣ,
На пять верстъ кругомъ,
Нѣтъ красивѣе молодки
Тѣломъ да лицомъ.
Поведетъ она глазами —
Словно день свѣтлѣй!
Парни цѣлыми толпами
Бѣгали за ней.
—Анна, Анна! Но не слышитъ,
Боязно взглянуть —
А любовью такъ и пышетъ
Молодая грудь.
Годъ прошелъ—пора настала,
Подошла любовь:
Крѣпко сердце застучало,
Заиграла кровь.
Крѣпко-крѣпко Ваня милый
Полюбился ей:
Всѣмъ онъ взялъ – и доброй силой,
И красой своей.
А ужъ какъ и дни, и ночи
Онъ ее ласкалъ,
Какъ ее въ уста да въ очи
Крѣпко цѣловалъ!
Но ей грустно отчего-то,
Радость далека;
Давитъ грудь ея забота,
Горе да тоска.

Сердцемъ чувствовала, видно,
Что конецъ всему—
И рѣшила, хоть и стыдно,
Все сказать ему...
Слушалъ Ваня, улыбаясь:
«—Что ты, Богъ съ тобой!
«Будешь, жизнью наслаждаясь,
Счастлива со мной...
«Не тревожься, вѣрь—тебя я
«Больше всѣхъ люблю!...»
И цѣлуетъ, обнимая,
Милую свою.
Онъ не зналъ, что ужъ для милой
Злой конецъ пришелъ—
Ицка Сроль, корчмарь постылый,
Онъ ее извелъ!...

III.

Да, недаромъ говорилось
На селѣ кругомъ,
Что неладное творилось
Что-то съ шинкаремъ;
Что онъ чорта чтилъ за Бога,
Бредилъ колдовствомъ—
И что душъ сгубилъ онъ много
На вѣку своемъ.
Ну, и чтобъ ему остаться
Этакъ колдовать,
До могилы съ чортомъ знаться,
На метлѣ летать?
Нѣтъ... Однажды воротился
Ночью онъ домой,
Сѣлъ на лавку и склонился
Головой сѣдой...
Ходитъ чортъ и такъ, и эдакъ—
Ицка глухъ и нѣмъ.
Что съ нимъ дѣлать напослѣдокъ?
Спятилъ жидъ совсѣмъ!

Чортъ.

Слушай, Ицка!
Тотъ не слышитъ,
Занятый собой—
Только грудь сильнѣе дышетъ
Въ тишинѣ ночной.

Чортъ.

Слышишь?

Корчмарь.

Дай ты мнѣ укрыться
Отъ тоски моей!

Чортъ.

Ужъ не сталъ ли ты молиться
О душѣ своей?
Рано носишься съ тоскою,
Рано, другъ—постой!...
Разъ спознался ты со мною—
Такъ ужъ будешь мой!

Корчмарь.

Нѣтъ, довольно чертовщины,
Хватитъ колдовать;
Старъ ужъ я—въ лицѣ морщины...
Смерти долго-ль ждать?
Смерти? Нѣтъ, а жизни, счастья...
(Счастья съ чортомъ нѣтъ)
Гдѣ же мнѣ познать участье,
Ласку да привѣтъ?
Хватитъ съ вѣдьмами водиться—
Знать ихъ не хочу!...

Приглядѣлась молодица
Старому хрычу..

IV.

Измѣнился Ицка старый,
Будто молодъ сталъ—

Видно, снова злыя чары
Всѣ къ себѣ призвалъ!
Крѣпко билось ретивое
У него въ груди—
Словно счастье молодое
Было впереди...
Да, совсѣмъ перемѣнился,
Какъ пришла пора—
Только все-жъ не полюбился
Дочкѣ столяра.
Та и знать его не хочетъ—
Старый да кривой!
Какъ увидитъ—захохочетъ
И бѣжитъ домой.

Время шло—была ужъ осень,
Садъ, что день—желтѣй,
Только иглы старыхъ сосенъ
Стали зеленѣй.
Вотъ однажды утромъ рано,
Стало лишь свѣтать—
Въ опустѣлый садъ свой Анна
Вышла погулять...
Только вышла—за корчмою,
Гдѣ стоятъ стоги,
Анна слышитъ за собою
Быстрые шаги...
Оглянулась—а за нею
Слѣдомъ старый жидъ:
«Стой, догнать я не поспѣю!»
Издали кричитъ.

Корчмарь.

Слушай, Анна дорогая,
Я и старъ, и хилъ—
Но на старости тебя я
Крѣпко полюбилъ.
Полюби меня—забудешь

Горе съ корчмаремъ,
Всѣхъ въ селѣ богаче будешь,
Краше всѣхъ лицомъ.
Ты милѣй мнѣ солнца мая,
Ярче свѣта дня...
Позабудь его, родная,
Полюби меня!

Анна.

Прочь отсюда, жидъ постылый!
Мнѣ-ль тебя любить?

Корчмарь.

Неужели нѣтъ ужъ силы
Друга позабыть?

Анна.

Только Ваню я и знаю
И люблю его—
На тебя не промѣняю
Друга своего!

Корчмарь.

Говорю, тебя жалѣя—
Онъ вѣдь босъ и голъ!
Я-жъ хоть старый—но къ тебѣ я
Съ золотомъ пришелъ.

Анна.

Не равняйся, жидъ поганый,
Съ Ваней дорогимъ...
Ты не купишь бѣдной Анны
Золотомъ своимъ!

Корчмарь.

А, ты такъ! Ну, хорошо же!
Не сержусь я зря...
Значитъ, онъ тебѣ дороже
Ицки—корчмаря?

Ну, такъ съ нимъ и оставайся,
Вѣкъ съ нимъ проживи—
До могилы дожидайся
Ласки да любви!...

Засмѣялся громко старый—
Страшенъ смѣхъ былъ злой!
И призвавъ къ себѣ всѣ чары,
Онъ махнулъ рукой.
И какъ будто покрывало
Скрыло лугъ и садъ...
Только тихо, какъ бывало,
Листья шелестятъ...
Какъ сквозь сонъ, ей показалось—
Говорятъ листы:
«Все исчезло, все умчалось—
«Одинока ты!»
И не липы ужъ склоняютъ
Къ ней концы вѣтвей—
Это духи напѣваютъ
Злую пѣсню ей...
А вверху... Кто тамъ маячитъ?
Кто ее зоветъ?
Кто тамъ? Ваня бѣдный плачетъ,
Ваня слезы льетъ.

V.

И не Ваня передъ ними—
Онъ не такъ высокъ:
Машетъ листьями своими
Молодой дубокъ;
Машетъ съ тихою тоскою,
До корней дрожитъ—
И зеленою листвою
Что-то говоритъ...
Закричать она хотѣла,
Всѣхъ на помощь звать—
Да какъ пьяная глядѣла,
Не могла понять...

Время шло—промчалось лѣто,
Сталъ короче день—
Бродитъ Анна до разсвѣта,
Блѣдная, какъ тѣнь.
Подъ дубкомъ сидитъ часами,
Ночи напролетъ—
И подчасъ его руками
Крѣпко обоймётъ.
Послѣ громко станетъ Анна
Все кого-то звать —
Только рѣчи этой странной
Людямъ не понять...
Часъ насталъ—и для безумной
Подоспѣлъ конецъ,
И ее въ той рощѣ шумной
Схоронилъ отецъ...
И всегда ея могила
Въ зелени густой,
И надъ ней, склонясь уныло,
Плачетъ дубъ сѣдой.
Съ той поры, во мглѣ тумана,
Лишь луна взойдетъ—
Словно призракъ - тихо Анна
Изъ земли встаетъ.
И идетъ она тревожно
Въ саванѣ своемъ —
И крадется осторожно,
И глядитъ кругомъ...
Но лишь мутными глазами
Чуть вглядится въ тьму—
Какъ обниметъ дубъ руками
И прильнетъ къ нему...
И стоитъ она, не слышитъ,
Словно тѣнь, стоитъ-
А надъ нею кто-то дышетъ,
Что-то говоритъ.
И повсюду вой и крики—
Но не слышно словъ...

Ей не страшенъ хохотъ дикій,
Хохотъ мертвецовъ...
Тихо стонетъ дубъ косматый,
Листья вѣтеръ рветъ:
Страшно ей—шинкарь проклятый
Пѣсню ей поетъ...

Но лишь солнышко проглянетъ
Изъ-за облаковъ,
И съ ближайшей церкви грянетъ
Звонъ колоколовъ—
Словно пѣсни забывая,
Все смолкаетъ вдругъ,
И безмолвна глушь лѣсная,
Тишина вокругъ...
Только вѣтеръ съ прежней силой
Бьется надъ землей,
Да склоняясь надъ могилой,
Плачетъ дубъ сѣдой.

ПѢВЕЦЪ.

Въ дыму костровъ, въ глуши степей
Заснулъ весь вражій станъ.
Великъ, могучъ Махметъ-Гирей,
Великъ татарскій ханъ![21].

* *
*

Онъ шелъ на Русь, кипя враждой,
Какъ въ прежніе года;
Онъ рѣзалъ женъ и матерей,
Жегъ села, города...
Ударилъ онъ, какъ Божій громъ,
Онъ, вождь несмѣтныхъ силъ—
И жалкій врагъ въ стѣнахъ своихъ
Пощады запросилъ.

* *
*

Онъ шелъ назадъ съ ордой своей...
Спитъ въ полѣ вражій станъ...
Великъ, могучъ Махметъ-Гирей,
Великъ татарскій ханъ!

* *
*

А ночь темна. Вся степь молчитъ.
Все спитъ въ тиши ночной;
Лишь только ходитъ у костровъ
Татаринъ-часовой;
Да въ кучкѣ плѣнниковъ идетъ
Печальный разговоръ...
Свѣтлѣй другихъ горитъ во тьмѣ
Разбросанный костеръ...

У догоравшаго костра
Сѣдой старикъ сидѣлъ
И для товарищей—минчанъ
Печально пѣсню пѣлъ...
И жадно слушали его
И плакали они—
Позорный плѣнъ имъ замѣнилъ
Былой свободы дни...

* *
*

И тихо пѣснь его неслась—
И степь внимала ей...
Великъ, могучъ татарскій князь,
Великъ Махметъ-Гирей!

* *
*

Онъ пѣлъ: «Не вамъ прогнать враговъ
«За край страны родной!
«Нѣтъ прежнихъ воиновъ лихихъ,
«Дружины нѣтъ лихой...
«Князья враждуютъ каждый годъ,
«А врагъ идетъ на насъ,
«Идетъ грозой и смертью злой
«Грозитъ намъ каждый часъ...
«Нашъ Минскъ разграбленъ и сожженъ,
«А что дадутъ взамѣнъ?
«Насъ горе ждетъ, позоръ насъ ждетъ,
«Позоръ и вѣчный плѣнъ...
«Такой ли видѣть я хотѣлъ
«Родимую страну?
«Насталъ послѣдній, страшный часъ—
«И край родной въ плѣну!...
«Литва и Польша... голодъ... моръ...
«Пожары деревень...
«Заря погасла—тьма кругомъ...
«Когда-жъ займется день?
«Когда зари веселый лучъ
«Разгонитъ мракъ ночной—

«И будетъ счастливъ нашъ народъ,
Свободенъ край родной?»

**
*

И замолчалъ сѣдой пѣвецъ,
Поникнувъ головой...
Свѣтлѣлъ востокъ, и тихо спалъ
Татаринъ — часовой...
Въ дыму костровъ, въ глуши степей
Заснулъ весь вражiй станъ...
Великъ, могучъ Махметъ-Гирей,
Великъ татарскiй ханъ!...

Таинственная монахиня.[22]

(Разсказъ помѣщика).

I.

«Пріѣзжай скорѣе. Я больна. Тетка Анна» — быстро прочелъ я телеграмму, поданную мнѣ слугою, когда я еще лежалъ въ постели.

Надо ѣхать, подумалъ я, тоскливо смотря въ окно—перспектива ѣзды въ имѣніе тетки «Уткино», гдѣ она жила круглый годъ и которое отстояло отъ Минска на нѣсколько десятковъ верстъ, нисколько не улыбалась мнѣ. Была глубокая осень, все время шли дожди, дорога была, вѣроятно, разъѣзжена и размыта, и добраться до имѣнія вполнѣ благополучно и въ хорошемъ расположеніи духа едва-ли представлялось возможнымъ.

Но все-таки нужно было покориться необходимости, и я рѣшилъ ѣхать, и, быстро вскочивъ съ постели и умывшись, велѣлъ кучеру закладывать коляску.

—Готово. Доложилъ черезъ четверть часа слуга Осипъ.

Взявъ съ собою небольшой чемоданчикъ, куда Осипъ положилъ мнѣ нѣсколько штукъ бѣлья и фляжку съ ромомъ, и накинувъ на плечи теплый американскій плэдъ, что было далеко нелишнимъ, въ виду отчаянной погоды, стоявшей на дворѣ, я вышелъ на крыльцо.

Холодныя, сѣрыя тучи висѣли надъ городомъ; молочно-бѣлый туманъ протянулся вдоль улицы, скрывая высокія крыши каменныхъ громадныхъ домовъ, холодный воздухъ былъ пропитанъ сыростью, и при дыханіи изо рта вылетало цѣлое облако пара. Иногда порывами налеталъ вѣтеръ и кружилъ въ воздухѣ еще такъ недавно опавшіе листья тополей и каштановъ, росшихъ въ саду и, поверхъ каменной ограды, протягивавшихъ свои длинныя вѣтви надъ панелью.

Уже благодаря одной только погодѣ, мнѣ стало тяжело и грустно. Къ этому присоединилось безпокойство о здоровьи тетки—и садясь въ коляску, стоявшую у подъѣзда, я былъ уже совершенно разстроенъ.

Изъ воротъ выскочилъ дворовый песъ Полканъ, вѣрный сторожъ, мой старый другъ, много разъ отбивавшій желаніе влѣзть ночью въ мою квартиру у любителей легкой наживы. Ставъ передними лапами на подножку экипажа, Полканъ, ласково виляя хвостомъ, своими умными, добрыми глазами смотрѣлъ на меня, какъ-бы спрашивая, куда я собираюсь ѣхать, и радостно визжалъ. Я ласково погладилъ его и, при помощи Осипа, поудобнѣе примостивъ за спиною свой маленькій дорожный чемоданъ, велѣлъ кучеру двигаться.

Лошади тронулись, коляска, мѣрно покачиваясь на мягкихъ рессорахъ, застучала колесами по мостовой, и стукъ колесъ еще больше взволновалъ меня.

Все мнѣ не нравилось, все меня раздражало. И эти темныя, низко ползущія надъ городомъ тучи, и этотъ холодный туманъ, словно гигантскій саванъ, окутавшій городъ, и мелкій осенній дождь, дробью бившій въ поднятый верхъ коляски, и прохожіе—чиновники, съ поднятыми воротниками и надвинутыми на самые глаза шляпами, торопливою походкою спѣшившіе въ свои канцеляріи...

И что имъ тамъ дѣлать? Раздраженно думалъ я. Ну, какой смыслъ въ этомъ дурацкомъ писаньи и переписываньи, въ этихъ входящихъ и исходящихъ, подъ нумерами и безъ оныхъ, въ этихъ глупыхъ рапортахъ и отношеніяхъ? Къ чему, зачѣмъ все это?...

И тетя тоже—хороша! Ну, и что ее дернуло заболѣть въ такую погоду? И тащись къ ней теперь!...

И недовольство всѣмъ окружающимъ, недовольство цѣлымъ міромъ, въ томъ числѣ и самимъ собою, охватило меня. А я? Зачѣмъ, ну зачѣмъ я поднялся вмѣсто обыкновенныхъ десяти—въ восемь часовъ? Ради какой-то глупой телеграммы. И что за болѣзнь такая, право?...

Коляска проѣхала городъ, и лошади быстро бѣжали по мягкому грунту проселочной дороги. Дорога все-таки оказалась

лучше, чѣмъ я предполагалъ, и явилась надежда попасть въ «Уткино» къ обѣду, часамъ къ четыремъ.

Мѣрное покачиваніе коляски начало меня понемногу усыплять; я усѣлся удобнѣе, и мои мысли начали мало-помалу успокаиваться и принимать болѣе мирный характеръ. Меня перестало раздражать все окружающее, и я погрузился въ мирныя думы о своей любимой тетушкѣ.

Мнѣ представилось ея доброе ласковое лицо, ея веселые смѣющіеся глаза, безчисленныя морщины, изрѣзавшія все лицо ея и собравшіяся цѣлыми пучками въ уголкахъ рта и на вискахъ... Быть можетъ, старушка дѣйствительно больна, а можетъ быть, это не болѣе, какъ обыкновенное старческое недомоганіе, при значительной долѣ мнительности сильно напугавшее добрую старушку? Во всякомъ случаѣ, мнѣ было ее жаль. Что она теперь дѣлаетъ въ своемъ «замкѣ монахини», какъ она называла свой домъ, находившійся на невысокомъ холмикѣ, рядомъ съ церковью и школою, ею-же построенными?

И почему такое странное названіе: «Замокъ монахини»? Что-бы оно могло означать? И кто монахиня — тетушка, что-ли? А впрочемъ, все равно...

Коляска катилась по мягкой дорогѣ, я не чувствовалъ толчковъ, благодаря мягкимъ рессорамъ, и, уставъ глядѣть по сторонамъ, закрылъ глаза и тихо задремалъ...

II.

Меня встрѣтила на крыльцѣ тетушкина дома старая Ѳедосья, ключница и экономка, правая рука тетушки. Это была маленькая симпатичная старушка, какъ нельзя болѣе подходившая и по характеру, и по манерамъ къ своей барынѣ. Обѣ онѣ довольно уже прожили на свѣтѣ, у обѣихъ были одинаковые жизненные интересы, и Ѳедосья была въ домѣ чѣмъ-то вродѣ компаньонки, хотя ей и приходилось весьма часто исполнять обязанности горничной и кухарки.

—Здравствуйте, баринъ, радушно проговорила она, увидя меня вылѣзающимъ изъ коляски. Никакъ не ожидали такъ скоро видѣть.

—А что, какъ здоровье тетушки? Обратился я къ ней послѣ первыхъ привѣтствій.

— Плохо. Совсѣмъ плохо.

— Что-же съ нею?

— А кто ее знаетъ! Простудилась, вѣрно. Ломитъ кости, лихорадка трясетъ.

— Лежитъ?

— Куда ужъ ходить. Лежитъ, бѣдная,—третій день недужится, не встаетъ съ постели.

— А докторъ былъ?

— Какъ-же, какъ-же... По два раза на день пріѣзжаетъ...

— Какой докторъ? Продолжаю я распросы.

— Семиковъ... Онъ въ мѣстечкѣ К* живетъ, шесть верстъ отсюда.

— А, ну, это хорошій врачъ; онъ вылечитъ старушку, если есть хоть малѣйшая надежда на выздоровленіе.

Я подождалъ, пока кучеръ помогалъ Өедосьѣ вытащить изъ коляски мой чемоданчикъ, и когда она внесла его въ крыльцо, я снова обратился къ ней съ вопросомъ:

— А гдѣ тетушка—въ какой комнатѣ?

— У себя, у себя... Вотъ обрадуется-то!... Вѣдь утромъ сегодня только посылали въ К* Якова подать телеграмму, а вы уже здѣсь!...

— Значитъ, въ спальнѣ? Проговорилъ я и направился въ тетушкины аппартаменты.

«Замокъ монахини»—былъ ничто иное, какъ красивый каменный домъ обширной помѣщичьей усадьбы, какихъ очень много найдется въ губерніи, и рѣшительно не представлялъ изъ себя ничего особеннаго. Правда, онъ былъ построенъ очень давно, но, постоянно ремонтируемый своей почти безвыѣздной жилицею, онъ не производилъ впечатлѣнія прадѣдовской постройки и давно уже утратилъ обаяніе старины... Вспомнивъ странное названіе, данное этому, очень мало похожему на «замокъ» дому, я рѣшилъ, что тутъ непремѣнно играетъ роль что-нибудь романическое, и приготовился подробнѣе распросить обо всемъ тетушку.

Когда я вошелъ въ спальню, больная старушка лежала въ постели и, держа дрожащими руками книгу, щурясь черезъ очки, внимательно читала. Она страшно обрадовалась моему пріѣзду—ей было и скучно, и тяжело одной. Въ такую пору года

рѣдко заѣдетъ какой нибудь гость, и тетушка отъ души радовалась каждому новому лицу—будь то племянникъ или братъ, сосѣдъ-помѣщикъ или городской знакомый...

— Что съ вами, тетенька? Послѣ всѣхъ объятій, поцѣлуевъ и восклицаній усаживаясь на стулъ около постели, обратился я къ ней съ вопросомъ, когда она, съ усиліемъ положивъ книгу на столикъ и снявъ очки, любовнымъ взглядомъ остановилась на мнѣ.

— Охъ-хо-хо... Совсѣмъ скверно... Видно, помирать скоро .. Закашлялась тетушка.

— Ну вотъ, что вы, тетенька... Куда вамъ помирать! Еще меня переживете...

— Нѣтъ, чувствую—скоро... Да и пора... Хорошій ты, добрый - вдругъ перемѣнила она тонъ своего голоса—что пріѣхалъ навѣстить меня, старуху... Недаромъ больше всѣхъ племянниковъ любила я тебя. . Сама чувствовала любовь къ себѣ...

— Однако, тетенька, отчего это вздумали вы болѣть? Съ напускной веселостью спросилъ я, опасаясь минорнаго тона старушки—она была очень нервная и, постоянно разстраивая себя, легко могла кончить истерикой или обморокомъ—что съ нею бывало и чего я страшно боялся.

— Простудилась, милый. Кабы молода была—сошло бы. А то вѣдь пятьдесятъ три года лѣтомъ стукнуло. Кости ломитъ—старый ревматизмъ даетъ себя знать; боль ужасная... Голова часто кружится... Въ безпамятство впадаю...

Я началъ утѣшать тетушку, какъ умѣлъ—и дѣйствительно, старушка скоро успокоилась, и мы до самаго вечера весело говорили съ нею, причемъ она много смѣялась и, видимо, совершенно забыла свою болѣзнь.

Когда часы съ жалобнымъ хрипѣніемъ и стономъ пробили въ столовой десять, я сердечно попрощался съ тетушкой и, пожелавъ ей тихаго и спокойнаго сна, отправился въ приготовленную для меня въ мезонинѣ комнату.

Разговорившись съ тетушкой о разныхъ домашнихъ, чисто семейныхъ дѣлахъ, я совсѣмъ позабылъ спросить ее о странномъ названіи ея дома—и рѣшилъ непремѣнно сдѣлать это завтра утромъ.

III.

На слѣдующій день, спустившись внизъ въ столовую, къ утреннему чаю, надъ которымъ уже хлопотала Ѳедосья, я очень обрадовался свѣтлому солнышку, врывавшемуся въ комнату цѣлыми снопами лучей, которые, отскакивая отъ блестящей поверхности пузатаго самовара, проворными «зайчиками» разбѣгались по комнатѣ.

Ѳедосья за чѣмъ-то вышла. Я остался одинъ. Въ ожиданіи чая я подошелъ къ окну и началъ разсматривать окрестности тетушкиной усадьбы, которыя были видны, какъ на ладони, потому что самый домъ былъ расположенъ на невысокомъ холмѣ, съ котораго въ обѣ стороны спускались дороги—одна въ городъ, другая въ мѣстечко К*.

Скрипъ двери заставилъ меня оглянуться.

Въ комнату вошла какая-то женщина, съ блѣднымъ и печальнымъ лицомъ, въ одѣяніи монахини. Красивыя черты лица и мягкій, грустный взглядъ ея глубокихъ черныхъ глазъ производили пріятное впечатлѣніе. Она казалась страдающей и истомленной, но ни въ выраженіи лица, ни въ манерахъ ея не было замѣтно ни благоговѣйной религіозности, ни молитвеннаго настроенія—однимъ словомъ, страннымъ казалось видѣть на этой женщинѣ черный монашескій нарядъ, который совсѣмъ не шелъ къ ея стройной и тонкой фигуркѣ.

Я вѣжливо поклонился. Она не отвѣтила мнѣ и, скользнувъ по мнѣ взглядомъ, поправила чайникъ на самоварѣ, аккуратно положила скомканное Ѳедосьей чайное полотенце и такою-же тихой, спокойной походкой вышла изъ комнаты.

— Что такое? Какихъ—такихъ монахинь тетушка назвала къ себѣ? И зачѣмъ онѣ ей? Услуживать—такъ развѣ мало прислуги въ домѣ?

— Какая тутъ монахиня ходитъ по комнатамъ? Спросилъ я Ѳедосью, когда она вернулась въ столовую.

— Монахиня? оставьте, баринъ, не пугайте меня, старуху... Кто можетъ ходить?

— Ну вотъ, вѣдь я видѣлъ...

Лицо Ѳедосьи изобразило ужасъ.

— Видѣли?—Протянула она.

— Видѣлъ.

— Монахиню?

— Да.

— Такую: высокую, красивую, съ черными глазами?

— Да, да, да...

Ѳедосья всплеснула руками...

— Батюшки—свѣты!... *Она*...

— Кто *она*? Съ любопытствомъ спросилъ я.

— Что-жъ это будетъ, что будетъ?... Въ ужасѣ повторяла Ѳедосья, не отвѣчая на мой вопросъ.

Меня крайне заинтересовало все это. Тутъ, видимо, какая-то тайна, извѣстная Ѳедосьѣ—которая не рѣшается сообщить ее мнѣ... И не находится-ли эта таинственная монахиня въ связи со страннымъ названіемъ тетушкина дома? «Замокъ монахини», медленно произнесъ я. Можетъ быть, это и есть та самая монахиня? Надо спросить тетушку.

— А тетушка проснулась? Быстро обратился я къ Ѳедосьѣ, все еще не пришедшей въ себя отъ испуга.

— Проснулась.

— Пройти къ ней можно?

Я всталъ и направился въ тетушкину спальню. Въ комнатѣ царилъ полусвѣтъ, такъ какъ шелковыя занавѣси были на половину спущены. Тетушка дѣйствительно не спала—и около нея, на маленькомъ столикѣ, уже стоялъ стаканъ чаю, принесенный заботливой Ѳедосьей.

— Здравствуйте, тетушка.

— Здравствуй, милый.

Послѣ первыхъ расспросовъ относительно сна и здоровья, я прямо спросилъ про монахиню.

— Такъ ты видѣлъ ее? Задумчиво произнесла старушка, и въ ея старыхъ, потухающихъ глазахъ отразился испугъ.

— Да, видѣлъ; она вошла въ столовую, поправила чайникъ на самоварѣ, сложила полотенце—и ушла. Я поклонился ей—но она не отвѣтила на поклонъ, хотя и видѣла меня.

— Да, это *она, она... Она* часто ходитъ здѣсь.

— Такъ вы, значитъ, знаете ее?

— Знаю.

Тетушка задумалась. Я прервалъ ея размышленія.

— Что-жъ, тутъ кроется какая нибудь тайна?

— Да... Это старая грустная исторія...

— А названіе вашего дома, «замокъ монахини», находится въ связи съ ней?

— Да. Поэтому я такъ и назвала этотъ домъ. Я могу разсказать всю эту исторію, это было очень давно—когда тебя еще и на свѣтѣ не было... но мнѣ будетъ тяжело разсказывать: это очень печальная исторія загубленной жизни, плачъ разбитаго сердца бѣдной женщины... Сколько она страдала, бѣдная...

Глаза тетушки наполнились слезами. Она замолчала... Я боялся прервать молчаніе, но мнѣ страшно хотѣлось проникнуть въ тайну жизни «бѣдной женщины» и я, наконецъ, рѣшился спросить.

— Такъ вы разскажете мнѣ, тетя?

— Да, да, встрепенулась старушка, смахивая съ глазъ невольно навернувшіяся слезы. Ты не удивляйся, что я плачу—я не могу равнодушно вспомнить объ этой несчастной страдалицѣ...

Тетушка удобнѣе усѣлась на постели и проговорила...

— Слушай!

IV.

Насколько тебѣ извѣстно, такъ начала тетушка, имѣніе «Уткино» съ давнихъ лѣтъ составляло собственность древняго минскаго дворянскаго рода князей Зацѣпиныхъ, изъ которыхъ князь Андрей Зацѣпинъ, твой дѣдъ по матери, являлся однимъ изъ самыхъ яркихъ и мощныхъ представителей дворянъ—помѣщиковъ добраго стараго времени, въ эпоху господства крѣпостного права.

Это была замѣчательная личность. Какъ теперь, помню его высокій ростъ, могучія плечи, его густыя сдвинутыя брови надъ умными, выразительными глазами, словно на весь міръ смотрящими съ легкимъ оттѣнкомъ пренебреженія и превосходства; помню, какъ передъ нимъ трепетали его жалкіе рабы, боявшіеся одного его взгляда, наводившаго на нихъ ужасъ... Да и не одни крестьяне боялись его—одинъ изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ въ краѣ, онъ и для различнаго рода «начальства» представлялъ силу, съ которою нужно было считаться; и съ нимъ

считались, въ немъ заискивали, ища его покровительства и одобренія...

Вотъ какой человѣкъ былъ твой дѣдъ Андрей! Счастье еще для крестьянъ, что онъ, хотя и коренной русакъ, не то, что съ презрѣніемъ, а какъ-то свысока, пренебрежительно относился ко всему русскому и болѣе своего родового имѣнія любилъ французскую Швейцарію или Альпы, гдѣ на берегу—не помню уже какого озера—у него была роскошная собственная вилла, и большую часть времени онъ проводилъ за границей.

Въ одномъ изъ парижскихъ салоновъ онъ познакомился съ извѣстнымъ итальянскимъ дипломатомъ, графомъ Паравичини и, молодой и красивый, къ тому обладающій титуломъ и полумилліоннымъ годовымъ доходомъ, въ скоромъ времени получилъ согласіе на бракъ съ его дочерью, графиней Анной.

Черезъ нѣкоторое время послѣ свадьбы молодые пріѣхали въ Россію и поселились въ «Уткинѣ» въ этомъ самомъ домѣ, который князь Андрей Зацѣпинъ отдѣлалъ со всей роскошью и изяществомъ, какое только и было возможно при его состояніи. Молодая жена его, еще не вполнѣ распустившійся прекрасный цвѣтокъ Италіи, было очень нѣжное и хрупкое существо, непривыкшее, послѣ Неаполя и Рима, къ нашему суровому, холодному климату, который скоро подѣйствовалъ на нее, и у нея открылась горловая чахотка..

На глазахъ старушки показались слезы... Она вздохнула и продолжала свой разсказъ.

Да, тяжелая и грустная эта исторія, исторія страданій и смерти молодой итальянки, велѣніемъ судьбы заброшенной съ благословеннаго юга въ нашу холодную Россію! Ей нужно было поѣхать на югъ—въ Крымъ, на Кавказъ, куда доктора и посылали ее, но упрямый деспотъ, князь Андрей, въ которомъ съ особенной ясностью проявились основныя, какъ дурныя, такъ и хорошія, родовыя черты—ни за что не хотѣлъ исполнить это и заставлялъ свою жену медленно угасать въ четырехъ стѣнахъ своего дома въ «Уткинѣ».

Женившись на графинѣ не по любви, а изъ тщеславія, онъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы измѣнилъ ей, заведя преступную связь съ дочерью польскаго магната К*; видя въ умирающей женѣ единственное препятствіе къ соедине-

нію съ «любимой» имъ особой, онъ, чтобы ускорить неизбѣжную развязку, заперъ страдалицу въ одинъ изъ окрестныхъ монастырей, гдѣ она приняла схиму и въ скоромъ времени скончалась.

— Вотъ она, добавила тетушка, указавъ пальцемъ на прекрасный портретъ въ орѣховой рамѣ висѣвшій на стѣнѣ.

Я поднялъ глаза. На меня смотрѣла чудная красавица, южнаго типа, съ матовымъ цвѣтомъ лица, съ глубокими печальными глазами, словно подернутыми поволокою; легкая складка около губъ говорила о многихъ страданіяхъ, вынесенныхъ ею въ теченіе ея короткой жизни, и мнѣ почудилось въ ней сходство съ видѣнной мною въ столовой монахиней...

Теперь суровому деспоту ничто не препятствовало вѣнцу съ молодой К*, и онъ не замедлилъ жениться. Говорятъ, что еще до женитьбы его преслѣдовали постоянныя видѣнія и галлюцинаціи, что онъ постоянно видѣлъ передъ собою блѣдный образъ грустной монахини... И вотъ на свадебномъ пиру, когда, при громѣ музыки и громкихъ одобреніяхъ гостей, въ огромномъ залѣ, залитомъ огнями, онъ поднялся съ бокаломъ въ рукѣ, чтобы сказать гостямъ нѣсколько привѣтственныхъ словъ, онъ вдругъ задрожалъ, его голосъ оборвался, и глаза уставились въ одну точку... Въ залъ вошла, медленно отворивъ дверь, блѣдная тѣнь женщины въ черномъ монашескомъ одѣяніи...

Я невольно вздрогнулъ. Тетушка продолжала:

... и съ укоромъ посмотрѣвъ на него, тихо кивнула головой и исчезла... Это была покойная княгиня Анна...

Блѣдный, какъ смерть, князь Андрей бросился изъ зала, но его ноги подкосились, и онъ, какъ снопъ, безъ движенія, упалъ навзничь... Черезъ часъ онъ скончался.

Тетушка на минуту задумалась.

— Что же дальше? Спросилъ я.

— Тѣнь монахини видѣли всѣ находившіеся въ залѣ, и, узнавъ въ ней покойную, многіе упали въ обморокъ... Съ тѣхъ поръ рѣдко кто изъ прежнихъ знакомыхъ князя Андрея рѣшался посѣтить его брата, наслѣдовавшаго послѣ него «Уткино» въ этомъ страшномъ для многихъ домѣ.

И разсказы о таинственной монахинѣ живутъ въ памяти окрестнаго населенія до сихъ поръ. Говорятъ, ее много разъ

видѣли съ того времени—и въ томъ-же монашескомъ одѣяніи, въ той же самой комнатѣ, гдѣ теперь у меня столовая, проходящею тихой походкой изъ входной двери въ дверь гостиной—какъ разъ какъ прошла она передъ княземъ Андреемъ.

Тетушка замолчала—разсказъ былъ конченъ. Я былъ разстроенъ. Неужели-же въ самомъ дѣлѣ эта монахиня разгуливаетъ по дому? Я ее видѣлъ, а между тѣмъ я совсѣмъ не суевѣренъ и ни въ какія «таинственности» не вѣрю, предоставляя это губернскимъ барышнямъ и ихъ недалекимъ кавалерамъ. Неужели же и мнѣ приходится повѣрить?

— Да, грустная эта исторія—снова начала тетушка,—тяжело ее разсказывать... Жаль бѣдную женщину, замученную своимъ мужемъ въ цвѣтѣ лѣтъ, лишенную ласки и любви, въ самый расцвѣтъ молодости заточенную въ монастырь и умершую отъ чахотки... А она была хорошая, добрая, ее очень любилъ простой народъ, и крестьяне до сихъ поръ ее помнятъ и многое разсказываютъ про нее...

— Что-же именно? Спросилъ я.

— Завтра ужъ я разскажу—устала теперь... съ трудомъ проговорила тетушка, борясь съ тяжелыми приступами душившаго ее кашля. Охъ-хо-хо... Старость-не радость... Вся, вся больна... И голова болитъ, и грудь, и все...

— Такъ, значитъ - завтра разскажете?

— Да, да, непремѣнно...

V.

На слѣдующій день, въ тотъ же самый часъ, какъ и вчера, я сидѣлъ въ тетушкиной спальнѣ и слушалъ ея разсказы о таинственной монахинѣ

— Это было лѣтъ десять тому назадъ, говорила тетушка. Меня не было въ «Уткинѣ»—и я не была свидѣтельницей того, что хочу тебѣ разсказать, а слышала это отъ моей Ѳедосьи.

Около самаго дома, на небольшой площадкѣ, гдѣ теперь разбитъ цвѣтникъ, играли крестьянскія дѣти. Не знаю, какая это была игра, только одинъ парнишка, раздосадованный за что-то на своего товарища, вѣроятно, за какую нибудь неправильность въ игрѣ, сорвалъ съ его головы шапку и изо всей силы швырнулъ ее по направленію къ дому; она ударилась о стѣну

и, чуть-чуть задержавшись на карнизѣ, скатилась черезъ отдушину фундамента въ подвалъ. Достать ее было довольно трудно, такъ какъ въ этомъ подвалѣ никто, конечно, не жилъ и входъ въ него былъ заколоченъ наглухо; къ тому же въ народѣ ходили какіе-то странные слухи—говорили, что тамъ ходятъ привидѣнія, сидитъ какая-то женщина въ бѣломъ и постоянно молится; словомъ, даже подвалъ господскаго дома въ «Уткинѣ» былъ окруженъ какою-то таинственностью, пугавшею окрестное населеніе.

Какъ бы то ни было, достать шапку не было никакой возможности. Бѣдный мальчикъ началъ плакать и, просунувъ голову между желѣзными прутами, вдѣланными въ отдушину, всматривался въ темноту подвала...

Вдругъ до него донесся мягкій и ласковый голосъ:

— О чемъ ты плачешь, мальчикъ?

Тотъ поднялъ глаза,—и увидѣлъ передъ собою прекрасную молодую женщину, которая съ ласковой улыбкой смотрѣла на него; ея глаза улыбались ему, но даже и онъ, малышъ, замѣтилъ, что въ нихъ свѣтится глубокое, затаенное горе...

Онъ объяснилъ причину своихъ слезъ—и черезъ минуту грустная красавица подала ему шапку, до верху наполненную золотыми монетами...

— Возьми, мой мальчикъ, не плачь—проговорила бѣлая женщина. Я никогда не обижаю такихъ, какъ ты.

Онъ ахнулъ отъ удивленія и восторга и не вѣрилъ своимъ глазамъ, но деньги были настоящія, и, отдавъ ихъ своему отцу, старому отставному солдату, онъ не только спасъ его отъ нищеты, но и сдѣлалъ самымъ состоятельнымъ человѣкомъ въ деревнѣ...

Послѣ этого случая, всѣ мужики окрестныхъ деревень побросали въ отдушину свои шапки, но ни одна изъ нихъ не была возвращена красавицею.

Крестьяне говорятъ, что женщина эта несчастная жена князя Андрея Зацѣпина, княгиня Анна, духъ которой живетъ въ подвальномъ помѣщеніи этого дома и иногда является людямъ въ черномъ одѣяніи монахини, два-три раза въ годъ проходя по жилымъ комнатамъ этого «замка монахини».

— Конечно, этому вѣрить невозможно, и мы здѣсь имѣ-

емъ дѣло съ простымъ суевѣріемъ—продолжала тетушка—суевѣріемъ, глубоко вкоренившимся въ народѣ; но крестьяне, какъ бы въ подтвержденіе своихъ разсказовъ о блуждающей душѣ княгини Анны, замученной въ монастырѣ княземъ Андреемъ, разсказываютъ еще одинъ случай, якобы имѣвшій мѣсто въ дѣйствительности.

Это было лѣтомъ, когда весь домъ подвергся капитальному ремонту. Говорятъ, что одинъ рабочій, не боявшійся никакихъ привидѣній и не вѣрившій въ существованіе бѣлой женщины, во время работъ проникъ въ подвалъ и не возвращался оттуда цѣлыя сутки.

Вечеромъ на слѣдующій день, больной и дрожащій, съ блѣднымъ лицомъ, съ глазами, отражающими ужасъ и удивленіе,—онъ выбѣжалъ изъ подвала черезъ ту дверь, которая теперь заколочена—бормоча какія-то несвязныя слова... Бѣдняга помѣшался... Но въ карманахъ его панталонъ, за пазухой, въ шапкѣ—было золото...

Насколько можно было понять изъ отрывочныхъ фразъ помѣшаннаго—когда онъ вошелъ въ подвалъ, то увидѣлъ женщину въ бѣлой одеждѣ, которая сидѣла въ углу и читала евангеліе.

Она спросила:

— Что тебѣ нужно? Зачѣмъ ты безпокоишь меня?

Затѣмъ повела его въ другую комнату, наполненную всякими сокровищами—и велѣла ему наполнить свои карманы, что тотъ и сдѣлалъ... Потомъ явились какія-то привидѣнія, вступили въ споръ съ бѣлой женщиной, говоря, что она не имѣетъ права раздавать свои богатства; она не уступала—и духи бросились на него, чтобы отнять золото... Тутъ онъ лишился чувствъ... Какъ онъ вышелъ изъ подвала—онъ не помнилъ... Его карманы были наполнены золотомъ—но бѣдняга сошелъ съ ума и посѣдѣлъ въ одну ночь...

— Что въ этомъ разсказѣ правда, а что ложь—трудно разобрать, добавила тетушка; вѣрно только то, что крестьяне боятся и этого дома, говоря, что въ немъ водится разная «нечисть», боятся и бѣлой женщины, духъ которой обитаетъ въ подвалѣ и которую называютъ несчастной княгиней Анной.

Я внимательно слушалъ разсказы тетушки, но, конечно, не вѣрилъ ничему рѣшительно. Я пытался объяснить себѣ появле-

ніе монахини въ столовой въ моемъ присутствіи—и не могъ; я ничего не зналъ ранѣе объ этой таинственной женщинѣ, о которой сложились въ окрестномъ населеніи цѣлыя легенды—и померещиться мнѣ ничего не могло... Я *видѣлъ* дѣйствительно.

Что-то таинственное, что-то странное, что-то непонятное все-таки имѣло мѣсто въ данномъ случаѣ...

*
* *

Во время моего присутствія въ «Уткинѣ» тетушка настолько поправилась, что смѣло могла обойтись безъ меня, а мнѣ къ тому же необходимо было спѣшить въ городъ, куда меня призывали неотложныя дѣла.

Черезъ два дня, рано утромъ, простившись съ тетушкою я вышелъ во дворъ, гдѣ меня ждала уже запряженная парою коляска, и кучеръ, нетерпѣливо потягивая вожжи, какъ бы приглашалъ меня скорѣе уѣзжать въ Минскъ.

Я сошелъ съ крыльца и, обернувшись, увидѣлъ черную отдушину въ каменномъ фундаментѣ дома. Я быстро подошелъ къ ней и заглянулъ въ подвалъ—мракомъ и сыростью пахнуло мнѣ въ лицо, словно холодная дѣйствительность хотѣла безжалостно разрушить созданную молвой легенду... Я почувствовалъ легкое разочарованіе, какъ будто ожидалъ увидѣть въ подвалѣ прекрасный образъ княгини—монахини и, быстро вскочивъ въ коляску, раздраженно крикнулъ кучеру:

— Трогай!

Коляска шевельнулась, рессоры дрогнули, затѣмъ толчокъ, другой—и сытые кони дружно побѣжали по наѣзженной дорогѣ, причемъ вѣтеръ хлесталъ мнѣ въ лицо и игралъ полою моей шинели, быстро оставляя за собою «замокъ монахини» съ его таинственной подвальной обитательницей.

АЛМАЗЪ. [23)]

Кончается служба въ высокомъ соборѣ,
Наполненномъ пестрой толпой,
И тихо разносится пѣніе клира,
Звучитъ непонятной тоской.

Чуть свѣчи мерцаютъ. Во мракѣ собора
Мѣшаются лица людей;
И только у старой, истертой иконы
Горитъ чуть не сотня свѣчей.

Ея двухпудовая цѣнная риза
Каменьями вся убрана,
И ликъ Святой Дѣвы съ предвѣчнымъ Младенцемъ
Любовно глядитъ съ полотна.

Стара та икона. Ее князь Владиміръ
Привезъ, какъ крестилъ свой народъ,
Изъ Корсуня въ Кіевъ. Она чудотворной
По цѣлой округѣ слыветъ. [24.)]

И съ цѣлой губерніи къ ней, богомольцевъ
Толпа за толпою валитъ —
Недаромъ, знать, слава о древней иконѣ
По цѣлому краю бѣжитъ.

Предъ этой иконой спокойно молилась
Толпа богомольцевъ простыхъ,
И Божія Матерь съ такою любовью,
Такъ кротко смотрѣла на нихъ!

«Спаси и помилуй, Пречистая Дѣва,
Шептали, крестясь, мужички,

И вѣра смѣняла въ нихъ приступы горя
И вѣчной, глубокой тоски.

Одинъ изъ нихъ—жалкій, въ дырявыхъ лохмотьяхъ,
Старикъ изможденный, больной,
Молился усерднѣй другихъ, торопливо
Крестясь непослушной рукой.

Старикъ такъ шепталъ: «О Пречистая Матерь!
«Одна Ты Заступница намъ. .
«Спаси насъ—голодныхъ, больныхъ, безпріютныхъ,
«Внемли нашимъ скорбнымъ мольбамъ!

«Ни хлѣба для дѣтокъ, ни пищи, ни крова...
«И такъ было не на что жить—
«А тутъ погорѣли... Осталось съ сумою
«До самой могилы ходить...»

И снова съ горячей, всесильною вѣрой
Крестилась больная рука,
И свѣтлыя слезы, одна за другою,
Текли по щекамъ старика...

«О Дѣва Марія! Спаси, помоги мнѣ!...»
Рыдая, онъ вдругъ прошепталъ
И страстно, порывисто къ старой иконѣ
Сѣдой головою припалъ.

И Божія Матерь склонилась къ страдальцу,
Любви безконечной полна—
И ласково, тихо слова утѣшенья
Чуть слышно шептала Она...

И вынувъ алмазъ изъ блестящей короны
Серебряной ризы своей—
«Возьми.» Прошептала... И сдѣлалась снова
Недвижной для взора людей. [25])

КНЯЗЬ

Глѣбъ Всеславичъ.[26]

(Изъ лѣтописей гор. Минска).

Ой ребятушки, гусляры-друзья!
Соберемся всѣ во единый кругъ
Да затянемъ-ка пѣсню дружную —
Вспомнимъ въ пѣснѣ той дѣла старыя,
Дѣла старыя, позабытыя!

* *

Запоемъ, друзья,
Какъ во Кіевѣ,
Стольномъ городѣ,
Былъ великій пиръ
У Владиміра,
Красна Солнышка,[27]
Какъ лилось вино,
Брага хмельная,
Пѣсни громкія
Раздавалися;
Какъ гостей своихъ
И дружинниковъ
Угощалъ самъ князь
Зеленымъ виномъ;
И какъ пили всѣ,
Веселилися —
Да не вспомнили
О тюрьмѣ сырой,
Что подъ сводами

Палатъ княжескихъ...
Какъ забыли всѣ
За виномъ хмельнымъ
Князя-узника
Горемычнаго...

* *
*

Ой ребятушки, гусляры-друзья!
Соберемся всѣ во единый кругъ,
Грянемъ пѣсенку, грянемъ дружную,
Вспомнимъ старое, позабытое...
То не пыль столбомъ
Поднимается
Отъ степей нагихъ,
Отъ Украинскихъ;
То не облако
Темносѣрое
Мчится по-небу
Ночью темною —
Это рать свою
Минскій князь собралъ
И ведетъ ее
Въ степь далекую,
Ко Днѣпру-рѣкѣ,—
Къ граду стольному
Мономахову...
Ѣдетъ юный князь
Добывать себѣ
Престолъ Кіевскій,
А соратникамъ —
Славы-доблести...
Веселъ князь лихой
Глѣбъ Всеславовичъ!
Горлымъ мужествомъ
Очи свѣтятся,
Зорко смотрятъ вдаль
Въ степь далекую—
Не вздымается-ль

Туча пыльная,
Не храпятъ ли тамъ
Кони быстрые,
Не качаются-ль
Копья крѣпкія?...
Хочетъ князь лихой
Глѣбъ Всеславовичъ
Въ полѣ встрѣтиться
Съ княземъ-недругомъ
Чтобы силами
Съ нимъ помѣряться...
Долго ждетъ ужъ онъ,
Трое сутокъ ждетъ,
Рати доблестной
Мономаховой...
А Владиміръ князь
Грозный Кіевскій
На зарѣ не спалъ,
Ждалъ противника—
Разлетѣлся онъ,
Взмахнулъ крыльями
И, какъ вихрь, упалъ
Изъ поднебесья
Хищнымъ ястребомъ,
Чернымъ соколомъ
На смущенныя
Рати Глѣбовы...

* * *

Ой ребятушки, гусляры-друзья!
Соберемся всѣ во единый кругъ—
Грянемъ пѣсенку, грянемъ дружную,
Вспомнимъ въ пѣснѣ той дѣла старыя,
Дѣла старыя, позабытыя!...

* * *

Въ Минскѣ городѣ
Всюду плачъ и стонъ—

Плачетъ въ теремѣ
Жена Глѣбова
Одинокая;
Плачутъ въ горенкахъ
Жены воиновъ;
Плачетъ на-полѣ
Вѣтерокъ степной —
Словно пѣснь поетъ
Похоронную...
А въ палатахъ пиръ
У Владиміра —
Веселъ князь лихой
И дружинники...
Полны радости
Пѣсни громкія —
Славятъ подвиги
Князя грознаго;
По ковшамъ вокругъ
Брага хмельная,
Что вода въ рѣкѣ,
Разливается...
Веселъ князь лихой —
Побѣдилъ враговъ,
Въ самый Минскъ вошелъ
Съ горстью воиновъ
И въ полонъ забралъ
Многихъ жителей,
И увелъ съ собой
И рабовъ, и скотъ...[28])

* * *

Высока тюрьма,
И крѣпка стѣна —
Но слышна подчасъ
Во дворѣ княжомъ
Пѣсня грустная
Князя-плѣнника:

«Еслибъ дали мнѣ
«Крылья сокола —
«Полетѣлъ бы я
«Изъ тюрьмы сырой,
«Чрезъ поля, лѣса,
«По Днѣпру-рѣкѣ,
«Въ свою родину,
«Въ Бѣлоруссію...
«Стосковалися
«По мнѣ воины,
«Убивается
«И княгинюшка —
«Горько слезы льетъ
«Въ своемъ теремѣ,
«Князя милаго
«Дожидается...
«Но крѣпка стѣна,
«Дверь дубовая
«Не растворится
«И не выпуститъ
«Князя-плѣнника...
«Хоть бы свѣту мнѣ,
«Хоть-бы солнышка!...
«Но темна тюрьма —
«И не видѣть мнѣ
«Свѣту Божьяго,
«Мнѣ, мятежнику
«Побѣжденному,
«Князю-недругу
«Мономахову!...

* *
*

И звучитъ тоской
Пѣсня плѣнника,
Молитъ солнышка,
Свѣту Божьяго...
Но крѣпка тюрьма,
Высока стѣна—

И грозны слова
Мономаховы...
А княгинюшка
Весь-то день-деньской
Все ждала къ себѣ
Князя милаго...
Да ужъ видимо
Мало плакала
Да не кланялась
Предъ иконою,
Мало слезъ лила --
Не дождалася...
Въ тотъ же годъ въ тюрьмѣ
На полу сыромъ
Кончилъ жизнь свою
Горемычную
Полоненный князь
Глѣбъ Всеславовичъ...
Лишь тюрьма одна
По немъ плакала,
Стѣны голыя
Тризну правили;
Да все вѣтеръ вылъ
Надъ могилою -
Грустно пѣсню пѣлъ
Похоронную...

* *
*

Ой ребятушки, гусляры-друзья!
Соберемся всѣ во единый кругъ,
Грянемъ пѣсенку, грянемъ дружную,
Вспомнимъ въ пѣснѣ той дѣла старыя,
Дѣла старыя, позабытыя—
Молодымъ гостямъ для веселія,
Малымъ дѣтушкамъ въ назиданіе...

ДВА БРАТА.

I.

Съ высоты лазури
    Смотрится звѣзда
Въ дремлющія воды
    Соннаго пруда.
Облакомъ тумана
    Скрытые кругомъ,
Тихо наклонились
    Ивы надъ прудомъ.
Ни души, ни звука—
    Тихо все окрестъ...
Дремлетъ и могила,
    Дремлетъ ветхій крестъ...
Кто подъ нимъ глубоко
    Спитъ въ землѣ сырой—
Иль бѣднякъ забытый,
    Иль богачъ какой?
Но темно преданье,
    Разно говорятъ;
Слышно—здѣсь два брата,
    Два убійцы спятъ...

II.

Молоды и статны
    Выросли они;
Кудри—какъ изъ шелка,
    Очи—какъ огни...
Да видать, на радость
    Недругамъ лихимъ

Мать ихъ породила
Утромъ золотымъ!
Времячко настало,—
Хочется вздохнуть,
Проситъ, жаждетъ счастья
Молодая грудь.
Бьется ретивое—
«Поскорѣй же, ну!»
Полюбили оба,
Да на грѣхъ—одну...
А она—та краля—
Краше всѣхъ была:
Словно лебедь. статна,
Словно снѣгъ, бѣла.
Говорить не скажетъ—
Любитъ или нѣтъ;
Каждому улыбка,
Каждому—привѣтъ.
Думалъ каждый: «Вѣрно
«Злой соперникъ есть!»
И проснулась злоба,
Загорѣлась месть.
Грустны оба брата—
Позабыли смѣхъ...
На устахъ проклятья,
Въ думахъ страшный грѣхъ...

III.

Только разъ подъ утро,
Полотна блѣднѣй,
Шелъ одинъ изъ братьевъ
На свиданье къ ней.
Подошелъ онъ къ дому—
Всюду тишина...
Смотритъ—а въ окошкѣ
Чья-то тѣнь видна.
Екнуло въ немъ сердце,
Онъ къ дверямъ—какъ воръ:

Въ комнаткѣ у панны
Слышенъ разговоръ.
Не стерпѣло сердце,
Разгорѣлась кровь—
Вспыхнули, какъ порохъ,
Мщенье и любовь.
«Значитъ, есть разлучникъ,
«Ворогъ есть лихой!»
Бросился онъ къ паннѣ—
Съ нею братъ родной!
—«Чтожъ, судьба свела насъ!»
Дрогнула рука...
—«Выходи на битву—
«Ночь-то коротка!...»
Бьюгся оба брата
За любовь да честь;
На устахъ—проклятья,
Въ сердцѣ—кровь и месть...
Бьются оба брата,
Сталь рапиръ звенитъ—
А она смѣется,
Весело глядитъ...
Кто кого поборетъ?
Любятъ или нѣтъ?
И тому—улыбка,
И тому—привѣтъ.
«—Кто сильнѣе будетъ
«Брата своего—
«Больше самой жизни
«Полюблю того...»
И скрестились шпаги
За любовь да честь...
«—Лишь въ могилѣ мѣсто
«Намъ обоимъ есть!»
«- Уступить не хочешь?»
«-- Нѣтъ, не уступлю...»
И дерутся снова
За любовь свою.

Вдругъ сверкнули шпаги,
Сдѣлавъ малый кругъ—
И упали братья
Мертвыми на лугъ.

IV.

Испугалась панна—
Ни дохнуть, ни звать...
Да, какъ вихорь, къ дому
Бросилась бѣжать...
По дорогѣ въ Свислочь
Бросила кольцо—
Засмѣялся вѣтеръ,
Ей хлестнулъ въ лицо;
Засмѣялись волны
И во тьмѣ ночной
Дальше покатились
Грозною толпой.
Прибѣжала панна,
Въ комнату идетъ...
Прилегла- а въ окна
Злобно вѣтеръ бьетъ...
Грезятся ей трупы,
Блѣдные, въ крови—
Молятъ о пощадѣ,
Молятъ о любви...
А снаружи вьюга
Ходитъ ходуномъ,
Бѣшено кружится,
Плачетъ за окномъ.

V.

Съ той поры далекой
Много лѣтъ прошло,
И воды не мало
Въ море утекло..
Но на мѣстѣ битвы,
Сложенный изъ плитъ,

Памятникъ высокій
До сихъ поръ стоитъ... [29])
Да, какъ сказка, смутно
Про страдальцевъ двухъ
По народу ходитъ,
Ходитъ темный слухъ...
И про панну—кралю
Тоже говорятъ ..
Видно, здѣсь и вправду
Два убійцы спятъ! ..

ЗАКОЛДОВАННЫЙ ДОМЪ.

(Изъ записной книжки офицера).

I.

Мы медленно двигались по дорогѣ. Была страшная жара. Обыкновенно говорятъ, что майскій походъ — одно удовольствіе, но я не находилъ этого и съ нетерпѣніемъ ожидалъ окончанія этого утомительнаго передвиженія въ лагерь. Отъ Минска мы прошли всего лишь два перехода — а теперь, совершая третій, я былъ подъ впечатлѣніемъ цѣлой недѣли непрестаннаго, но крайне медленнаго движенія.

Приподнявшись на стременахъ, я посмотрѣлъ впередъ — ничего, кромѣ сѣраго облака удушливой пыли, скрывающей горизонтъ; изрѣдка, изъ-за ея почти непроницаемой завѣсы, какъ будто выскочитъ, вырвется на одну секунду и снова покроется клубкомъ пыли, передокъ орудія, голова фейерверкера съ фуражкой, сдвинутой на затылокъ, изрѣдка донесется голосистая пѣсня батарейнаго запѣвалы, идущаго впереди въ кучкѣ солдатъ — и смолкнетъ, словно раздавленная пылью...

Усталыя лица солдатъ красны отъ жары и мокры отъ пота, фуражки у всѣхъ сдвинуты на затылокъ, пояса сняты, вороты рубахъ разстегнуты — идутъ вольно, одни впереди орудій, другіе сзади, третьи сбоку, начальства нѣтъ — бояться некого; а то, которое идетъ съ батареею, само понимаетъ, что иначе нельзя, что незачѣмъ напрасно мучить солдатъ...

Я оглянулся назадъ... То же облако пыли, уже поднятое нашей батареею, и въ этомъ облакѣ медленно двигается командиръ слѣдующей по номеру батареи на караковомъ жеребцѣ и за нимъ трубачъ, а далѣе, въ мутной бѣлесоватой мглѣ, виднѣется что-то темное, неясное, слышенъ тотъ же стукъ ступицъ о чеки и о заплечики очей, храпъ коней, пѣсня запѣвалы... А за этой батареею двигается еще третья — и тамъ то же самое:

командиръ, трубачъ, запѣвала, та же пыль, та же тоска.

Невыносимо скучно, однообразно .. Какимъ-то одинокимъ и потеряннымъ чувствуешь себя, хочется съ кѣмъ нибудь поговорить, перекинуться словечкомъ - а до большого привала еще далеко; да и рано: солнце еще невысоко поднялось. Я взглянулъ на часы—четверть одиннадцаго, еще часа три идти. .

Вдругъ до меня донесся сердитый окрикъ нашего фельдфебеля . Что это шумитъ нашъ старикъ, подумалъ я, и, припнпоривъ лошадь, скоро поровнялся съ фельдфебелемъ

— Ахъ ты, такой-сякой, ни стыда, ни совѣсти... И впрямь полковникъ!.. Волновался фельдфебель.

— Въ чемъ дѣло?—Спросилъ я.

— Чего-съ?—Переспросилъ онъ по привычкѣ, обернувшись въ мою сторону, и сконфузился—я, значитъ, слышалъ его «полковника».

— У кого это ни стыда, ни совѣсти?

— Да вотъ, Вашбродь, Полковниковъ этотъ—все, говоритъ, нога болитъ ему—и цѣлый часъ въ корзинкѣ [30]) ѣдетъ. А нешто лошади не устали? И выходитъ, что совѣсти нѣтъ... Продолжаетъ волноваться нашъ ‹старый дѣдъ›, какъ его зовутъ въ батареѣ, и глубокія морщины не сходятъ съ его лица, а глаза изъ подъ сѣдыхъ, насупленныхъ бровей такъ и сверкаютъ негодованіемъ на безсовѣстнаго Полковникова.

— Это, Вашбродь, завсегда такъ. Кабы не я—всѣ бы ѣхали. Не жаль имъ скотинки...

— Хорошо вамъ, Герасимъ Потапычъ, говорить, когда Шайтанъ за васъ ходитъ! А мы сами идемъ.—Оправдывается Полковниковъ.

— А я нешто мало ходилъ. Двадцать пять годовъ служу —могу и поѣхать... Говоритъ Герасимъ Потапычъ и смотритъ на меня, ожидая одобренія.

— Не тотъ народъ нынче, Вашбродь, говоритъ онъ снова. обращаясь ко мнѣ. Прежде, бывало, не двадцать, а пятьдесятъ верстъ переходъ [31]) и ничего... Ходили... Ноги не болѣли... И онъ снова метнулъ взглядомъ на Полковникова... А теперь мелкота пошла...

Я молча согласился съ мнѣніемъ старика.

— А тутъ, Вашбродь, продолжалъ, немного помолчавъ,

мой словоохотливый собесѣдникъ, въ мѣстечкѣ М*, гдѣ будетъ дневка [32])– тамъ, сказывали мнѣ, когда прошлымъ годомъ ходили въ лагерь, кажись, нечисто...

Онъ сбоку взглянулъ на меня.

— Какъ нечисто?

— Что-то водится, сказываютъ. Люди боятся.

— Да чего же бояться-то?

— Тамъ замокъ старый, домъ помѣщиковъ прежнихъ— такъ тамъ никто не живетъ. Потому—страшно...

— Да что же собственно страшно?

— Да такъ, Вашбродь, кажись, и неловко христіанамъ крещеннымъ-то говорить—тамъ, кажись, черти гуляютъ...

Я расхохотался.

— Нѣтъ, взаправду... Обидѣлся Герасимъ Потапычъ. Видали!...

— Кто?

— А тамошніе. Мнѣ бабы сказывали...

— Ну, бабы—значитъ, врутъ...

— Може и баютъ. Согласился фельдфебель и уставился глазами въ темя своего «Шайтана».

Мы двигались по-прежнему... Черезъ полчаса дорога нѣсколько оживилась—по сторонамъ ея показались старыя высокія липы и березы, посаженныя еще въ екатерининское время, навстрѣчу намъ попадались мужики и бабы—видно было, что мы приближаемся къ населенному пункту...

Проѣхавъ еще немного, я увидѣлъ впереди, въ облакѣ густой пыли, нѣсколько домишекъ и плетень, за которыми тянулся безконечный огородъ, а много дальше, совсѣмъ на горизонтѣ, поднимаясь надъ цѣлымъ рядомъ гонтовыхъ и соломенныхъ крышъ, сіялъ на солнцѣ крестъ небольшой церкви...

— Подтянись, подтянись!... Прислуга къ своимъ орудіямъ! Донеслись до меня отрывочные возгласы командира.

— Подтягивайтесь, братцы, живѣй, живѣй!...

Порядокъ былъ водворенъ и черезъ двѣ минуты, сопровождаемые толпой народа, состоявшею почти сплошь изъ евреевъ, мы, подъ веселые звуки нашей музыки, остановившейся у окраины селенія, торжественно вступили въ мѣстечко М.

II.

— Гдѣ помѣщеніе для фуража? Спрашивалъ командиръ у начальника квартирьеровъ нашей батареи, браваго фейерверкера, стоявшаго передъ нимъ на вытяжку съ поднятой къ козырьку рукою.

— Тамъ вонъ, Васкобродь, за тѣмъ домомъ налѣво.

— А конюшни?

— Не на всѣхъ лошадей, не хватило...

— Какъ не хватило?

— Сараевъ пустопорожнихъ нѣтъ... На коновязь надо...

— Ну такъ гдѣ же конюшни-то?

— А онѣ тамъ, за церковью, въ томъ переулкѣ.

И фейерверкеръ, отнимая отъ козырька руку, дѣлаетъ ею неопредѣленный жестъ по направленію къ церкви.

Еврейскія дѣти цѣлой толпою бѣгутъ около лошадей, и вся толпа, изъ которой каждый старается протискаться какъ можно ближе къ орудіямъ, сильно стѣсняетъ движеніе. Поневолѣ опасаешься, чтобы лошадь не ударила кого-нибудь—тогда непріятностей не оберешься.

— А гдѣ мнѣ отведена квартира? - Спрашиваю я у того же фейерверкера - квартирьера, когда моя лошадь поравнялась съ нимъ.

— А вамъ, Вашбродь, на выборъ три квартиры.

— Ого, цѣлыхъ три! Удивился я.

— Такъ точно. Одна—вонъ въ томъ домикѣ, другая—у священника есть отдѣльная комната: тамъ еще пять гг офицеровъ...

— Ну, а третья?

— А та похуже будетъ.

— Грязно?

— Нѣтъ, еще получше другихъ... А тамъ нечисто...

— Грязно, значитъ?

— Никакъ нѣтъ... А нечисть водится...

Я, вспомнивъ, что мнѣ говорилъ фельдфебель, невольно улыбнулся.

— Гдѣ же эта квартира?

-- А вонъ—и солдатъ обернулся, у той рощи высокій ка-

менный домъ—тамъ есть хорошія комнаты... Никто не живетъ, боятся. .

Меня взяло любопытство. Мнѣ захотѣлось узнать, что за нечисть такая водится въ этомъ красивомъ каменкомъ домѣ... И всѣ знаютъ; вѣрно, дѣйствительно что нибудь замѣчали...

— О чемъ задумались? А? Услыхалъ я голосъ командира. Торопитесь—обѣдать пора. Ѣдемъ.

— А гдѣ офицерская столовая? я не знаю.

— Я уже разспросилъ. У лѣсничаго. Онъ самъ предоставилъ свою квартиру въ наше распоряженіе. Всѣ офицеры уже тамъ .. Ѣдемъ...

— Ѣдемъ... Повторилъ я.

— Такъ скажи, пожалуйста, Петрову, моему вѣстовому, чтобы онъ въ этомъ каменномъ домѣ приготовилъ мнѣ постель, крикнулъ я уже на ходу фейерверкеру.

— Слушаю.

— И чтобы самоваръ наставилъ... Да скорѣе.

Мы въѣхали въ красивыя рѣшетчатыя ворота дома лѣсничаго. На порогѣ насъ встрѣтилъ самъ хозяинъ, высокій, плотный мужчина, съ красивымъ и привѣтливымъ лицомъ и, добродушно представившись намъ, добавилъ:

— А у меня уже почти всѣ ваши офицеры собрались. Сюда, сюда, проговорилъ онъ, видя, что мы направились не въ ту дверь...

Въ большой высокой комнатѣ, куда, вѣжливо пропустивъ насъ впередъ, вошелъ вслѣдъ за нами хозяинъ, дѣйствительно собрались всѣ офицеры нашего эшелона. Посрединѣ комнаты, вдоль ея, стоялъ длинный столъ, за которымъ всѣ уже сидѣли въ ожиданіи обѣда, и веселый, громкій разговоръ, прерываемый шутками и смѣхомъ, не прекращался ни на минуту.

Дожидаться пришлось недолго, такъ какъ поваръ, обыкновенно отправлявшійся впередъ вмѣстѣ съ офицерскою кухней наканунѣ нашего выступленія, приблизительно зналъ часъ нашего прихода въ мѣстечко—и подогналъ обѣдъ къ этому времени.

— А вы недурно кушаете въ походѣ. Замѣтилъ хозяинъ-лѣсничій, съ удовольствіемъ принявшій приглашеніе командира пообѣдать съ нами. Не по военному времени...

— Зачѣмъ же отказывать себѣ въ удовольствіи, если есть возможность получить его? Отвѣтилъ кто то изъ офицеровъ.

Обѣдъ и такъ затянулся, а тамъ подали кофе, за которымъ мы просидѣли болѣе часа и, наконецъ, часамъ къ пяти вечера, разбрелись по своимъ временнымъ «обывательскимъ» квартирамъ.

Не зная расположенія мѣстечка, я сразу не нашелъ своей «нечистой» квартиры, но, по указанію одного еврея, къ которому я обратился и который съ испугомъ и удивленіемъ объяснилъ мнѣ, какъ добраться до «заколдованнаго», по его собственному выраженію, «дома»—быстро отыскалъ старый помѣщичій домъ, гдѣ уже, вѣроятно, мой Архипка позаботился объ устройствѣ моего помѣщенія.

Подойдя къ дому, я дѣйствительно увидѣлъ, что мой вѣрный Архипъ у самихъ дверей дома возился съ самоварчикомъ, который никакъ не хотѣлъ закипать.

— Гдѣ же тутъ моя обитель? Спросилъ я.

— Здѣсь. И онъ быстро растворилъ передо мною высокую дубовую дверь, налѣво отъ входа—изъ представившейся моему взору обширной комнаты на меня пахнуло сыростью...

Я вошелъ.

III.

Но раньше, чѣмъ приступать къ самому разсказу, надо описать во всѣхъ подробностяхъ этотъ интересный «заколдованный домъ».

Трудно было представить себѣ что либо подобное въ такомъ провинціальномъ захолустьѣ, какъ мѣстечко М*. Это былъ старинный, высокій, очень большой и красивый когда-то помѣщичій домъ—замокъ. Высокіе сводчатые потолки съ лѣпными украшеніями, масса статуэтокъ и статуй различныхъ божествъ греческой миѳологіи: и Венеры, и Амуры, и Аполлоны, и Вакхи находились въ каждомъ углу, въ простѣнкахъ между высокими и красивыми венеціанскими окнами и у каждыхъ дверей. Но въ какомъ все это было состояніи! Не было ни одного цѣльнаго стекла въ окнахъ, и вѣтеръ свободно врывался въ оконныя рамы и, словно какой-то таинственный духъ—я невольно вздрогнулъ при воспоминаніи объ этомъ—блуждалъ по ком-

натѣ, съ непріятнымъ не то свистомъ, не то шуршаніемъ обвѣвая стѣны и голыя тѣла разбитыхъ и обезображенныхъ временемъ Амуровъ и Вакховъ... Живопись на потолкѣ и по стѣнамъ облупилась, и на полу валялись довольно большіе куски отлетѣвшей штукатурки, по угламъ висѣли цѣлыя тучи годами не сметавшейся паутины... Сыростью и холодомъ вѣяло отовсюду...

Я отворилъ дверь въ сосѣднюю комнату—съ какимъ то стономъ дверь подалась моему усилію и, скользя на петляхъ, стукнулась въ стѣну... Эхо повторило стукъ—и я снова вздрогнулъ: чѣмъ-то таинственнымъ, архаическимъ, но въ то же время чудеснымъ, пахнуло на меня изъ каждаго уголка этой комнаты... Это былъ обширный и высокій залъ въ два свѣта, съ хорами на прекрасныхъ когда то лѣпныхъ колоннахъ.. Заходящее солнце врывалось въ высокія окна, и его золотистые лучи смѣло врѣзались въ туманныя сумерки, борясь съ наступающей темнотою... Я двинулся дальше; только я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ—какъ вздрогнулъ отъ ужаса: что-то темное, сѣрое, съ непріятнымъ звукомъ пронеслось по комнатѣ и замерло въ углу... Летучая мышь! Успокоилъ я себя, но уже чувствовалъ, что полный впечатлѣніями своего краткаго осмотра «заколдованнаго дома» я наполовину готовъ былъ повѣрить всѣмъ росказнямъ М—скихъ бабъ о чертовщинѣ и нечисти, водящихся въ немъ.

Мнѣ не хотѣлось продолжать свой осмотръ,—я начиналъ опасаться за свои нервы, которые и безъ того находились въ напряженномъ состояніи—но не могъ отказать себѣ въ удовольствіи хоть мелькомъ взглянуть на комнаты второго этажа. Поднявшись изъ прихожей по красивой каменной лѣстницѣ, я вошелъ въ помѣщеніе верхняго этажа—но тотчасъ же вышелъ, быстро захлопнувъ за собою высокую и тяжелую дверь; сумерки сгущались болѣе и болѣе, и какія-то странныя тѣни, легкія и полупрозрачныя, покрытыя синеватой дымкою, качались и дрожали въ воздухѣ, переплетаясь между собою, принимая различныя очертанія и размѣры... Настроенное на извѣстный ладъ воображеніе дополнило картину—и нервы не выдержали... Хлопнувъ дверью, я почти бѣгомъ спустился съ лѣстницы и вошелъ въ свою комнату.

Въ углу была уже разставлена моя походная кровать, около

которой на кругломъ, тоже «походномъ», стулѣ стояла зажженная свѣча и приготовленный для меня стаканъ чая.

— Ваше-діе, обратился ко мнѣ мой Архипъ, когда я вошелъ въ комнату.

Я обернулся къ нему и, вначалѣ не обративъ никакого вниманія на его разстроенный видъ и блѣдное лицо, только теперь замѣтилъ, что онъ весь дрожалъ и у него зубъ не попадалъ на зубъ.

— Что? Нездоровъ ты, что ли?

— Никакъ нѣтъ, здоровъ.

— Такъ въ чемъ же дѣло, что съ тобой?

— Такъ что, Вашбродь, тутъ ходитъ кто-то.

— Ходитъ? Это я ходилъ. Стараюсь я успокоить своего слугу и самого себя, такъ какъ меня невольно пронимала нервная дрожь.

— Никакъ нѣтъ, не въ той комнатѣ... Поговорилъ Архипка сдавленнымъ голосомъ. И стучитъ.

Я прислушался. Ничего не было слышно.

— Стучитъ, Вашбродь, продолжалъ солдатъ, дрожа, какъ осиновый листъ...

— Ничего не слышу ..

— Вотъ, вотъ... И его рука протянулась по направленію къ той двери, которая вела въ сосѣдній залъ и гдѣ я находился минуту спустя.

Теперь и до моего слуха долетѣлъ какой-то странный звукъ. Летучая мышь? Нѣтъ, не можетъ быть – тутъ что-то другое.

Стукъ повторился... Еще и еще...

— Уѣдемъ отсюда, Вашбродь, нерсвенъ часъ... А квартиръ довольно.

Я и самъ готовъ былъ бы оставить этотъ странный таинственный домъ, но мнѣ не хотѣлось показаться трусомъ передъ своимъ солдатомъ, и я отказалъ.

Архипъ поморщился и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня.

— Хоть бы призвать людей, помѣстить тутъ человѣкъ пять... Проговорилъ онъ дрожащимъ голосомъ. Все не такъ страшно...

— А въ самомъ дѣлѣ? Подумалъ я... Да, да, призвать людей – пусть переночуютъ вмѣстѣ съ нами... Это былъ дѣй-

ствительно удачный выходъ изъ затруднительнаго положенія.

Снова стукнуло...

Дрожь пробѣжала по моему тѣлу, и я торопливо проговорилъ:

— Такъ ты позови людей... Скажи тамъ фельдфебелю...

И когда Архипъ удалился, я, не желая оставаться въ одиночествѣ въ холодныхъ и непріютныхъ стѣнахъ «заколдованнаго дома», вышелъ вслѣдъ за нимъ на воздухъ.

Онъ побѣжалъ по направленію къ мѣстечку, гдѣ уже зажигались кой-гдѣ огоньки, а я остался дожидаться его возвращенія у входа въ свою временную обитель.

Снаружи «заколдованный домъ» не представлялъ ничего особеннаго—это было старинное двухъ-этажное каменное зданіе съ обвалившейся штукатуркой и разломанной крышею. Высокіе тополи окружали домъ и ихъ длинныя, прямыя вѣтви, словно не замѣчая его холодныхъ, каменныхъ стѣнъ, упорно стремились въ высь, къ небу... Но зато мягкій зеленый плющъ, извиваясь по стволамъ деревьевъ, перекидывался на оконницы и, цѣпляясь за всѣ выступы лѣпныхъ украшеній, раскинулся вдоль стѣнъ нижняго этажа красивой зеленой сѣткою, и концы его гибкихъ вѣтвей заглядывали въ самыя окна, которыя теперь, словно огромныя глазныя впадины гигантскаго черепа, скрывающія за собою какую-то непроницаемую тайну, съ холоднымъ равнодушіемъ смотрѣли на меня...

Черезъ четверть часа вернулся Архипъ, и съ нимъ пришли со своими пожитками присланные фельдфебелемъ шесть человѣкъ.

— Такъ-то лучше, подумалъ я и вошелъ вслѣдъ за ними въ свою комнату.

Люди размѣстились въ прихожей — очень большой комнатѣ, гдѣ имъ было совершенно свободно и гдѣ могла помѣститься цѣлая батарея—и боялись хоть мелькомъ заглянуть даже въ мое помѣщеніе...

Мнѣ было все равно—гдѣ-бы они ни помѣстились, и, наскоро выпивъ стаканъ чаю, я улегся въ постель, поближе подвинулъ свѣчу и принялся за чтеніе взятой съ собою книги...

IV.

Но я не могъ читать .. Нервы разыгрывались, воображеніе усиленно работало... Строчки книги прыгали передъ глазами, перемѣшивались между собою...

Я поднялъ глаза—слабый свѣтъ колеблющагося въ сыромъ и холодномъ воздухѣ пламени свѣчи едва-едва боролся съ таинственнымъ сумракомъ непривѣтливой комнаты. Какія-то странныя тѣни пробѣгали по стѣнамъ и ложились на полу... Мнѣ стало жутко... Случайно повернувъ голову, я увидѣлъ врывающійся въ окно зеленовато серебристый свѣтъ блѣднаго мѣсяца, разбиваемый листьями плюща за тысячи мелкихъ лучей, отчетливыми кружечками отбрасывавшихся на полъ; вѣтеръ слегка шевелилъ эти листья—и многочисленные свѣтлые кружки двигались по полу, разбѣгались въ стороны, потомъ снова соединялись—словно какія-то живыя существа...

Въ это мгновеніе прежній зловѣщій стукъ раздался въ сосѣдней комнатѣ... Мнѣ послышался какой-то новый звукъ—словно чей-то задавленный стонъ донесся до меня.

— Это ужъ не духи! Промелькнуло у меня въ умѣ.

Не отдавая себѣ отчета въ томъ, что я дѣлаю, я потушилъ свѣчу, и, быстрымъ, нервнымъ движеніемъ вынувъ изъ кобуры револьверъ, быстро зарядилъ его и положилъ на стулъ около постели.

Теперь, когда я потушилъ свѣчу, стало еще темнѣе. Ночь холодная, но чарующая, благоуханная майская ночь глядѣла въ окна моего таинственнаго жилища, и серебристые лучи мѣсяца, прорываясь сквозь густую листву деревьевъ и плюща, прежними блѣдными кружечками отбивались на полу.

Нервная дрожь охватывала меня... Вдругъ невольный крикъ ужаса вырвался изъ моей груди..

Дверь въ сосѣднюю комнату—залу тихо отворилась...

Съ сильно бьющимся сердцемъ, дрожа отъ волненія, полными ужаса глазами, я смотрѣлъ на нее, а дрожащая рука, едва повинуясь моему желанію, протянулась къ револьверу...

Дверь раскрылась совершенно, причемъ таинственный стукъ изъ сосѣдней комнаты явственно донесся до меня—и медленно начала закрываться...

Что-то блѣдное, высокое, стояло у двери...

Я замеръ отъ ужаса и не могъ шевельнуться... Но, несуевѣрный отъ природы, скоро оправился и громко щелкнулъ куркомъ револьвера...

Привидѣніе шевельнулось...

Не теряя присутствія духа, я навелъ револьверъ на него и ждалъ...

Блѣдная тѣнь метнулась въ сторону—и мнѣ показалось, что изъ подъ покрывала съ невыразимой ненавистью и презрѣніемъ на меня взглянули двѣ глазныя впадины голаго черепа... Сердце во мнѣ не билось... Мужество отчаянія охватило меня.

Привидѣніе стало неподвижнымъ, но черезъ нѣсколько секундъ снова шевельнулось и тихо, плавно отдаляясь отъ двери, чуть-чуть приблизилось ко мнѣ..

Въ невыразимомъ ужасѣ я крикнулъ и самъ испугался своего голоса:

— Не подходи—убью!

Тѣнь закачалась снова и приблизилась еще болѣе... Не помня себя, я нажалъ курокъ...

Раздался выстрѣлъ...

Блѣдное высокое привидѣніе снова зашевелилось, и снова глазныя впадины холодно взглянули на меня... Бѣлыя складки савана раздвинулись, тѣнь приближалась...

Я выстрѣлилъ снова...

Тѣнь качнулась, но не остановилась...

Тогда, схвативъ револьверъ обѣими руками, я прижался къ стѣнѣ и, машинально наводя дуло на блѣдную высокую фигуру, выпустилъ остальныя четыре пули... Тѣнь медленно приближалась...

А въ сосѣдней комнатѣ таинственный стукъ раздавался чаще и чаще. Порывы ночного вѣтра качали деревья, вѣтки которыхъ, точно длинныя руки блѣдныхъ привидѣній, безпомощно поднимались къ нему—я видѣлъ ихъ въ окна .. Холодныя сѣрыя тѣни бѣгали по полу, перемѣшиваясь съ яркими кружочками луннаго свѣта, откуда-то сверху доносились какіе-то заглушенные стоны, имъ вторили несшіяся изъ-за двери сдавленныя рыданія, но все это заглушалъ стукъ моего сердца, словно разбуженнаго всѣмъ окружающимъ...

А тѣнь все приближалась...

У меня въ безсиліи опустились руки... Мой мертвенный, безжизненный взглядъ скользнулъ по савану—и вдругъ оживился: тѣнь остановилась...

— Значитъ, выстрѣлы подѣйствовали!...

Я снова зарядилъ револьверъ и нацѣлился: черныя, страшныя глазныя впадины голаго черепа смѣясь смотрѣли на меня...

Раздался выстрѣлъ—и тѣнь стала приближаться...

Я снова выпустилъ всѣ пули—больше у меня не было.... Близкій къ обмороку, я швырнулъ въ привидѣніе револьверомъ и, прижавшись къ стѣнѣ, приготовился къ защитѣ...

Еще мгновеніе—и тихо приближавшаяся тѣнь вдругъ порывистымъ движеніемъ бросилась ко мнѣ...

Я почувствовалъ, какъ чьи-то цѣпкіе, холодные пальцы-костяшки впились мнѣ въ шею, давили горло; я чувствовалъ холодное дыханіе, ощущалъ прикосновеніе къ тѣлу холодныхъ костей скелета, но не могъ вырваться изъ крѣпкихъ объятій, не могъ, наконецъ, шевельнуться, не могъ дышать... Зеленые, синіе, красные круги всплывали передъ глазами, надвигались на меня, угрожали мнѣ...

А пальцы скелета сильнѣе и сильнѣе давили мнѣ горло—и, наконецъ, я пересталъ ихъ чувствовать, я пересталъ понимать окружающее; вся комната вдругъ покрылась непроницаемымъ мракомъ, и наступила страшная, гробовая тишина...

V.

— Вашбродь, а—Вашбродь... Выпейте воды...

Словно изъ-за стѣны слышится мнѣ голосъ Архипа.

Я устало открываю глаза. Свѣтлые лучи чуднаго майскаго солнца освѣщаютъ комнату. Нѣтъ мучительныхъ призраковъ прошедшей ночи, нѣтъ привидѣнія, нѣтъ стука за стѣною, въ залѣ...

Я облегченно вздохнулъ полной грудью. Испуганные, преданные глаза Архипа съ любопытствомъ слѣдятъ за мною...

— Что было? Спросилъ я.

— Вы стрѣляли, Вашбродь, а потомъ обмерли...

— Упалъ въ обморокъ?

— Такъ точно.

— А привидѣніе? Усиливаюсь я вспомнить происшедшее.

— Не могу знать.

Я оглянулся вокругъ—все было по прежнему, въ полномъ порядкѣ, ничего за ночь не было тронуто съ мѣста. Такъ же, глупо улыбаясь, смотрѣла на меня голова фавна съ отбитымъ

носомъ — остатки былого помѣщичьяго величія — такъ же шумѣли, колеблемыя утреннимъ вѣтеркомъ, могучія вѣтви пирамидальныхъ тополей...

— Что же, однако, случилось?

Но не было времени отдаваться размышленіямъ. Было уже безъ малаго восемь часовъ, — а въ восемь назначено выступленіе...

Я быстро одѣлся и вышелъ. У дверей трубачъ держалъ уже подъ-уздцы моего коня, съ нетерпѣніемъ рывшаго ногою землю, и дожидалась «офицерская» подвода, чтобы забрать мои вещи.

Я поѣхалъ въ паркъ[33]). Дорогою я замѣтилъ, что солдаты съ любопытствомъ осматриваютъ меня, нѣкоторые улыбаются... Что за оказія такая?

— Ваше благородіе! Слышу я вдругъ позади себя испуганный голосъ Архипа.

Я придержалъ лошадь.

— Вашбродь, пальто все прострѣляно.

— Какъ-такъ прострѣляно? Машинально спрашиваю я.

— Такъ что наскрозь... И Архипъ тянетъ мнѣ мое «лагерное» изъ солдатскаго сѣраго сукна пальто, дѣйствительно, прострѣленное во многихъ мѣстахъ...

— Неужели это мое пальто?

— Такъ точно, ваше пальто... Сокрушенно вздыхаетъ Архипъ, задумчиво пробуя пальцами сдѣланныя пулями отверстія.

Я удивленно уставился глазами на попорченное пальто и не зналъ, что сказать... Вдругъ не сразу пришедшая мнѣ въ голову мысль осѣнила меня... Вотъ она, разгадка ночного происшествія: я свое пальто принялъ за привидѣніе!.. Но, однако, я видѣлъ, какъ привидѣніе двигалось... Чѣмъ же это объяснить?..

— Можно уложить пальто?

— Конечно, укладывай; не надѣвать же его.

Подумавъ немного, я рѣшилъ, что пальто мое или дѣйствительно шевелилось — отъ сквозняка, вслѣдствіе выбитыхъ стеколъ въ окнахъ, или же по немъ пробѣгали тѣни, падавшія отъ вѣтвей деревьевъ и листьевъ плюща... А таинственные стуки? Чѣмъ это объяснить?.. Но теперь это казалось совсѣмъ

не столь таинственнымъ и необъяснимымъ, какъ раньше—проще всего было предположить, что колеблемыя вѣтромъ вѣтви деревьевъ стучали въ оконныя рамы... Чего же я боялся? Въ кого стрѣлялъ?.. Мнѣ стало и смѣшно, и стыдно за самого себя...

Догнавъ батарею, уже двинувшуюся въ путь, я вдругъ вспомнилъ о солдатахъ, приведенныхъ Архипомъ въ «Заколдованный домъ»: а что они дѣлали, когда я воевалъ со своимъ пальто? Неужели не слышали выстрѣловъ?

Я хотѣлъ спросить хоть одного изъ нихъ—но не помнилъ, кто былъ тамъ. Спрошу у фельдфебеля—онъ знаетъ, кого посылалъ.

Я быстро догналъ старика—фельдфебеля, ѣхавшаго при первомъ орудіи, и окликнулъ его.

— Чего-съ?

— Кого ты посылалъ изъ батареи на ночь ко мнѣ на квартиру?

Шесть человѣкъ, Вашбродь.

— Хорошо. Но кого?

Старикъ задумался.

— Такъ что тамъ были Антоновъ, Петровъ, Щира и Кавальчукъ.

— Хорошо. Спасибо.

— Петровъ. Громко крикнулъ я, обернувшись назадъ, на батарею.

Тотъ быстро подбѣжалъ ко мнѣ.

— Гдѣ ты ночевалъ сегодня?

— Такъ что фельфебель велѣлъ идти въ каменный домъ...

— И ты ночевалъ тамъ?

Петровъ замялся.

— Боязно было, Вашбродь. Мы всѣ полегли у дверей, а потомъ, какъ черти стали стрѣлять—не вытерпѣли...

Я улыбнулся «чертямъ». Хороши черти!

— И чтоже, ушли?

— Такъ точно. Виноватъ,—отвѣтилъ Петровъ, снова поднимая руку къ козырьку и, видимо, ожидая выговора.

— Чего жъ вы всѣ перепугались? Вѣдь черти стрѣляли въ комнатѣ, гдѣ я былъ?

— Такъ точно.

— И вамъ не пришло въ голову идти выручать меня?

— Такъ что боязно... ушли... Уже смѣлѣе отвѣтилъ Петровъ.

-- Хорошо. Ступай.

Я оглянулся назадъ: «заколдованный домъ», весь залитый лучами майскаго солнца и окруженный столѣтними тополями, весело выглядывалъ изъ цѣлаго ряда крышъ деревянныхъ домиковъ оставляемаго нами мѣстечка. Зеленый плющъ по прежнему силился пробраться въ окна, внутрь, чтобы зеленой цѣпкой сѣткою раскинуться по стѣнамъ и по полу, гдѣ по ночамъ ходятъ привидѣнія и стрѣляютъ черти .. Я невольно улыбнулся —мнѣ было и досадно, и стыдно за себя, за тотъ дѣтскій ужасъ, который охватилъ меня при видѣ моего же собственнаго пальто, залитаго луннымъ свѣтомъ; но одно обстоятельство давало мнѣ нѣкоторое удовлетвореніе: солдаты испугались болѣе моего...

Солнце начинало припекать, пыль снова поднялась на дорогѣ, по которой длинной извилистой лентою медленно двигались батареи... Предстоящій переходъ былъ, по маршруту, длиннѣе предыдущаго, и мнѣ часовъ пять предстояло еще мѣрно раскачиваться въ сѣдлѣ...

Но все таки мнѣ было стыдно своей трусости—вѣдь я всегда скептически относился къ явленіямъ разныхъ духовъ и привидѣній!.. И я рѣшилъ никому изъ своихъ товарищей ничего не разсказывать о ночномъ происшествіи...

Да, долго былъ мнѣ памятенъ этотъ таинственный «Заколдованный домъ»!...

Конецъ.

Примѣчаніе.

1) Князь Всеславъ Брячиславичъ Полотскій, прозванный „вѣщимъ". Минскъ находился въ его удѣлѣ. Княжилъ съ 1044 до 1101 г.

2) Нѣмига—рѣка въ г. Минскѣ. Въ 1066 году на берегахъ ея произошла битва между русскими князьями—Всеславомъ, полотскимъ и минскимъ, съ одной стороны, и Ярославичами, не желавшими отдать въ его руки великое княженіе—съ другой. Союзники побѣдили Всеслава.

3) Владимiръ Мономахъ въ 1084 году взялъ Минскъ въ отмщеніе Всеславу за сожженіе Смоленска. Минскъ былъ разоренъ и выжженъ воинами Мономаха.

4) Глѣбъ Всеславичъ (1101—1119) первый удѣльный минскій князь.

5) Великій князь кіевскій Святополкъ-Михаилъ въ 1104 году послалъ своего воеводу Путяту съ дружиной съ приказаніемъ взять Минскъ, гдѣ княжилъ тогда Глѣбъ, и сжечь его, въ наказаніе за захватъ Глѣбомъ чужихъ городовъ. Предпріятіе это никакого успѣха не имѣло.

6) Святополкъ Мстиславичъ (1132—1133 и 1152—1182). Ростиславъ Мстиславичъ (1133—1151) Володарь Глѣбовичъ (въ самомъ концѣ XII ст.)—послѣдніе минскіе удѣльные князья. Послѣ нихъ Минскъ со всей областью подпадаетъ подъ власть уже достаточно могущественнаго Великаго Княжества Литовскаго.

7) Гедиминъ (1315—1340)—великій князь Литовскій, соединившій подъ своей властью Литву и Бѣлоруссію. При немъ Литва достигла высокой степени процвѣтанія и могущества.

8 и 9) Съ XIV ст. католичество начинаетъ проникать въ Бѣлоруссію. Въ 1386 году Литва (въ составъ которой уже входила Бѣлоруссія) соединяется съ Польшею подъ властью Ягеллы, а со времени Люблинской уніи (1569), уничтожившей даже тѣнь самостоятельности Великаго Княжества Литовскаго,—городъ Минскъ, и весь западный край, окончательно присоединился къ Польшѣ.

10) Екатерина II.

II.

10,) Въ 1793 году образовано Минское намѣстничество, а въ 1796 году—минская губернія, во главѣ съ губ. гор. Минскомъ. Въ 1793 году образована также минская епархія, и архіепископу Минскому, Изяславскому и Брацлавскому было повелѣно жить въ г. Минскѣ.

11) См. „Географія минской губ.“ Смородскаго М. 1894 стр. 4 л. и „Минскъ, его прошлое и настоящее“. Очеркъ Плавскаго М. 1892 г. стр. 90.

12) Князь Всеславъ Брячиславичъ (см. прим. 1)—„вѣщій“, „чародѣй“ по народному преданію онъ закрывалъ волшебною повязкою глубокую рану на головѣ. Эта повязка сообщала князю „чародѣйную силу“.

13) Изяславъ, сынъ св. Владиміра и Рогнѣды; онъ основалъ городокъ, который назвалъ своимъ именемъ—нынѣшній Изяславль.

14) Верхнее платье.

15) Вслѣдствіе этого сраженія князя Всеслава съ Ярославичами, подъ 1066 годомъ въ начальной лѣтописи впервые упоминается Минскъ. Съ этого года и ведется его исторія. (См. прим. 2).

16) Князь Всеславъ, во время сраженія на р. Нѣмигѣ, взятъ въ плѣнъ не былъ; но Изяславъ Ярославичъ, великій князь кіевскій, боявшійся его соперничества и притязанія на великое княженіе, прибѣгнулъ къ хитрости, чтобы разъ навсегда избавиться отъ опаснаго врага: онъ зазвалъ его въ шатеръ свой, клятвенно увѣряя его, что ему не будетъ сдѣлано ни малѣйшаго зла—и тамъ на несчастнаго Всеслава набросились воины великаго князя. Послѣ этого князь Всеславъ былъ заключенъ въ темницу.

17) Разсказъ о „водяномъ и его невѣрной женѣ“ былъ намъ въ общихъ чертахъ сообщенъ плотовщиками въ м. Свислочи Бобруйскаго уѣзда.

18) Легендарный разсказъ объ образованіи Комаровскаго болота сообщенъ намъ мѣстнымъ старожиломъ сто-лѣтнимъ старикомъ Павломъ Васильевымъ, жившимъ въ началѣ 90 годовъ въ собственной хаткѣ по Борисовскому тракту, на Комаровкѣ, гдѣ и происходитъ дѣйствіе разсказа.

19) Въ замкѣ минскихъ удѣльныхъ князей находилось подворье кіевскаго митрополита. Замокъ существовалъ до XVIII ст.

20) Комаровскіе старожилы помнятъ еще эту картину: лѣтъ пять тому назадъ по Логойскому тракту, на Комаровкѣ, находилась полуразвалившаяся изба корчмаря и сейчасъ же за нею безкрестная могила, теперь сравненная съ землею. Быть можетъ, именно благодаря этой могилѣ и сложилась предлагаемая легенда.

21) Въ 1506 году татарскій ханъ Махметъ-Гирей совершилъ страшный набѣгъ на полоненную Литвою минскую землю. Городъ былъ сожженъ, и жители уведены въ плѣнъ; особенно памятенъ этотъ набѣгъ тѣмъ, что во время его во всемъ краѣ свирѣпствовала страшная моровая язва.

22) Въ основу разсказа положено преданіе, относящееся къ одному изъ ближайшихъ къ городу имѣній.

III.

23) Это преданіе, очень распространенное въ самомъ Минскѣ и ближайшихъ къ нему деревняхъ, относится къ пятидесятымъ годамъ нынѣшняго столѣтія.

24) Минская чудотворная икона Божіей Матери была вывезена св. Владиміромъ изъ Корсуня (Херсонеса) и была помѣщена имъ въ Десятинной церкви въ Кіевѣ. При нападеніи на городъ Махметъ-Гирея (см. прим. 21), татары, грабившіе церковь, сорвали съ иконы всѣ драгоцѣнныя украшенія и бросили въ Днѣпръ—по преданію, икона поплыла вверхъ по Днѣпру, Березинѣ и Свислочи и 13 августа 1500 года явилась въ Минскѣ.

25) Преданіе добавляетъ, что мужичекъ былъ преданъ суду за кражу алмаза, и судъ, давая вѣру многочисленнымъ свидѣтелямъ этого необычайнаго происшествія, положилъ резолюцію: алмазъ оставить мужику, но со строгимъ наказомъ: „На будущее время никакихъ даяній ни отъ Бога, ни отъ святыхъ не принимать". На самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не могло быть.

26) См. прим. 4.

27) Не Владиміръ Святой, а Владиміръ Мономахъ.

28) Здѣсь говорится о пораженіи, нанесенномъ Мономахомъ Глѣбу Минскому въ 1119 году, на берегахъ рѣки Березины. Это была послѣдняя, такъ неудачно окончившаяся, попытка Глѣба добиться великокняжескаго престола; послѣ сраженія онъ былъ отведенъ Мономахомъ въ Кіевъ, гдѣ въ томъ же 1119 году скончался въ темницѣ.

29) Этотъ памятникъ находится на Московской улицѣ, недалеко отъ угла Ново-Романовской, почти противъ школы ремесленныхъ учениковъ.

30) Такъ артиллеристы называютъ сидѣнья, устроенныя для двухъ номеровъ орудійной прислуги на самихъ орудіяхъ.

31) Разстояніе, проходимое воинскою частью походнымъ порядкомъ въ одинъ день.

32) Суточный отдыхъ во время походнаго движенія.

33) Мѣсто, гдѣ стоятъ орудія, передки и зарядные ящики.